

Жена в наследство. Книга вторая

Автор:

Елена Счастливая

Жена в наследство. Книга вторая

Елена Сергеевна Счастливая

Колдовские миры

Теперь я жена будущего Главы ордена Стражей. Но между нами толстая стена льда и прошлых обид, о которых я, занявшая чужое тело, мало что знаю. И как бороться с неприязнью доставшегося мне злым роком мужа, когда он не желает верить той, кто однажды разрушила его жизнь? Но ведь только он может помочь мне вернуться домой. А еще дорога к утерянному народу, у которой, может быть, нет конца.

Елена Счастливая

Жена в наследство. Книга вторая

© Счастливая Е.С., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Хилберт быстрым шагом вышел из Храма и остановился на полуразрушенном крыльце, глядя в темнеющее небо над Пустошью. И хотелось бы сейчас вдохнуть

воздух полной грудью, чтобы успокоиться, но так пыль, что кружила вихрями вокруг, только забьёт лёгкие – и легче явно не станет.

Он смял пальцами застёжки нагрудника, стараясь всё же дышать ровно и помалу давить внутри гнев. Грудь, казалось, разворотили на две части, раздвинули рёбра, открывая всё, что было ими защищено, да так и оставили. Плоть внутри понемногу покрывалась сухой коркой, сморщивалась и грубела до отвратительного хруста дублёной кожи. Он открылся, чтобы принять её. Почти вывернулся наизнанку, чтобы она могла войти легко и раствориться в нём. А она обдала только ворохом тлеющих искр – всего, что могло прорваться сквозь плотный щит, что укрывал её сущность Ключа. Обожгла и оставила зиять незаполненную дыру.

Конечно, это страшное ощущение пройдёт. Но сейчас Хилберт едва мог ноги переставлять, а ведь завтра – сегодня уже не успеть – надо идти обратно в Волнпик. И возможно, по дороге отбиваться от порождений. Их стало слишком много. Раньше до Пустынного Храма можно было добираться почти без проблем. А тут натолкнулись на почти десяток слангеров одновременно. И не охотья как раз в этих местах Науд, пришлось бы туго. Не смертельно, но приятного мало. Надо было послушать его подозрения насчёт Паулине – и задуматься... Но он уже начал слепнуть, начал погружаться в опасный дурман. Зря.

Хилберт медленно сел и опустил ноги на ступеньку ниже. Невольно прижал ладонь к груди, убеждаясь с невольным облегчением, что дыры там на самом деле нет. Проклятая мерзавка Паулине! Уже не знает, как вывернуться, чтобы нагадить дому ван Бергов ещё больше, чем уже нагадила. Не знает, как вымотать из него последние силы.

– Мениэр, – прозвучало за спиной. Спокойно. Холодно.

Захотелось развернуться и схватить её за тонкую шею. Сдавить до хруста позвонков, чтобы уничтожить эту змею. И будь что будет дальше. Но Хилберт остался неподвижным.

– Возвращайтесь в Храм. – Он неимоверным усилием заставил свой голос остаться ровным. – Там безопаснее.

– Я прошу выслушать меня, – кажется, вполне искренне попросила Паулине.

Её лёгкие ладошки легли на плечи. Она ткнулась коленками ему в спину, присев рядом. И её дыхание коснулось волос.

– Я сказал, пошли прочь от меня! Не рискуйте. Иначе я точно вас убью.

– Вы всё равно выслушаете меня. Когда остынете, – твёрдо пообещала она. – Потому что я не виновата!

Паулине отшатнулась и, встав, вернулась в Храм. Хилберт закрыл глаза, чтобы невольно не обернуться и не увидеть её. Он не хотел её видеть, потому что, когда смотрел, с ним начинало твориться что-то странное. Всего пара дней, как она его супруга, а уже вгрызлась в мысли не хуже гарга. И невозможно было её оттуда выбросить. Хотелось смотреть на неё, наблюдать за такими непривычными движениями, жестами. Её лицом, знакомым и в то же время день ото дня меняющимся. Словно откуда-то из глубины проступали другие черты. Другая Паулине. Та, которую он не мог презирать, как ни старался. Даже смеяться она стала как будто по-другому: он слышал однажды, когда она была с Дине и служанками. А рядом с ним она ни разу не смеялась, конечно. Нет причин.

И что самое паршивое во всей этой ситуации: он и правда начинал верить ей. Ведь невозможно не верить той, которая слышала с ним один зов. И помогала бороться с этим. Которая знала его изнутри лучше других и не боялась. Чего только стоит тот случай, когда прыгнула к нему в постель совсем нагая – чтобы чувствовать полнее, чтобы сильней обхватить его тело. Скорей всего она не знала, что делает. И в то же время знала – каким-то особым чутьём. Восприятием Ключа – не иначе. А он, придя в себя, маялся всю ночь от её близости. От жара её кожи, которая будто плавилась его, впитывалась в каждую пору. Он проснулся тем утром совсем другим. И увидел её не той, что накануне. Хилберт хотел взять её – ещё спящую. Так невыносимо хотел, но всё раздумывал, оттягивал миг решения, медленно глядя её бёдра и спину, перебирая пальцами чуть спутанные волосы – и только вынутые из глубин памяти мысли о том, кто она такая, помогли сдержаться. А потом она проснулась – к счастью.

Ведь если это зайдёт далеко, будет только сложнее рвать с ней. Нет ничего хуже телесной привязанности, постоянного вожделения – стоит только ей коснуться локтя невзначай. Или обнять, случайно касаясь губами шеи. Паулине всегда была такой – и в этом самая большая опасность. Опасность забыть все её

деяния, став пленником дурманной притягательности.

Но срыв ритуала в Храме изрядно отрезвил. И сейчас Хилберт смотрел на себя немного со стороны: на дурачка, который поплыл от вида женских прелестей и нарочитой мягкости к нему. Как будто искреннего желания стать хорошей женой. Любимой?

Абсурд. Полнейший бред: сегодня это стало понятно так ясно, как никогда. С ней нельзя связывать жизнь. Она годится только на то, чтобы забрать, что причитается Стражу и главе Ордена – и отпустить на все четыре стороны.

Но теперь появилась другая проблема: её силы надо как-то освободить. Сама она вряд ли признается в том, что нарочно блокировала их. А значит, придётся разбираться самому. И прежде всего – с тем кинжалом, который оказался в её руке. Признаться, Хилберт за всей этой суматохой и неурядицами забыл о нём, оставив в своей комнате – в несгораемом шкафу, где хранил самые важные документы или ценности. Но для начала надо бы отскрести себя от этих ступеней.

Хилберт встал медленно, всерьёз опасаясь рассыпаться, как пошедший трещинами кувшин. Слово тело заскорузло и противилось теперь каждому движению. И дышать было до сих пор трудно. Он вошёл в Храм и остановился между рядов порушенных и истлевших скамей, глядя на Паулине, которая сидела у алтаря, прислонившись плечом к одной из его опор. Пальцами она перебирала кончик косы, перекинутой на грудь. Её остановившийся где-то у противоположной стены взгляд заставил всё внутри сжаться в стальном кулаке. Весьма невинный и растерянный вид для той, которая наворотила неприятных дел.

– Убить меня пришли? – проговорила она хрипло.

– Нет. – Хилберт приблизился ещё. – К сожалению, вы мне по-прежнему нужны. Эта мстительность всё равно ни к чему не приведёт. Ну, разве что к моей смерти. Вы, наверное, этого хотите?

Она посмотрела как-то дико, резко повернув голову. Слово сама эта мысль была для неё ужасной.

– Я ничего не знаю о том, что случилось с силой Ключа во мне. И почему вы не можете её забрать. И я не хочу вам смерти. Никогда не хотела, как бы дурно и грубо вы со мной ни поступали.

– Я был с вами резок. Да. – Хилберт присел на край покосившейся лавки. – Но это не хуже того, что сделали вы. Не нужно отговорок. Я не стану их слушать.

– Я понимаю, что сейчас вы не готовы ничего слушать. – Она повела плечами. – Но мне есть что вам сказать. И я надеюсь, что мы поговорим. Когда вернёмся в Волнпик. Иначе я больше и пальцем не пошевелю ради вас.

Хилберт хмыкнул, отводя от неё взгляд. Надо же, спокойно, как будто ничего не случилось. Признаться, он ждал, что Паулине начнёт кричать и обвинять его в прошлых ошибках. Утверждать, что он виноват сам, что он заслужил. Плакать, наконец. Но девушка только заметно сжимала зубы и смотрела мимо него. И дышала глубоко, чуть неровно, явно давя внутри бушующую ярость. И откуда у неё столько сдержанности, которой раньше она похвастаться не могла? Новые уловки?

– Вы правы. Нам нужно помолчать и отдохнуть. А вам подумать о том, что вы будете делать дальше. Потому что от этого зависит то, как пройдёт ваша жизнь.

Хилберт встал и, пока девушка сидела у алтаря, нашёл две ещё вполне целые, хотя бы не рискующие развалиться скамьи: сдвинув их, устроил что-то вроде ложа. Для двоих: деваться некуда, иначе ночью в Пустоши поодиночке можно хорошенько замёрзнуть. Из обломков других скамей соорудил костёр. Чуть спустя Паулине всё же перебралась ближе к огню, заметно озябнув у каменного алтаря.

– У вас кровь, – сказала отстранённо, будто отметила, что на небе тучи.

Хилберт пощупал раненый бок – и боль отозвалась изнутри ощутимой резью. Надо же, и не заметил даже, что рана снова открылась: видно, после ритуала, ведь, как ни крути, тот всё же забирал некоторые силы. Теперь кровь промочила перевязь, которую Паулине сменила утром, и уже растеклась пятном по штанам.

– Ерунда. – Он махнул рукой.

– Серьёзно? – фыркнула девушка. – Я могу посмотреть. А можете истекать кровью дальше, если вам нравится быть обиженным судьбой страдальцем.

Хилберт покачал головой. Паулине встала и подошла. Парой резких движений расстегнула крепление нагрудника, глядя на него сверху вниз. Остановилась, будто ждала его сопротивления. Но он не стал ничего говорить, не стал её отталкивать, пусть и хотел. Он позволил продолжить, наблюдая за ней и поражаясь собственным необъяснимым ощущениям. Будто шёл, качаясь, по ненадёжному мосту. И надо, просто необходимо довериться всем этим прогнившим на вид, трухлявым доскам и истлевшим канатам – иначе не перебраться на другой берег. Иного пути нет.

Гнев утихал. И на его место приходила невыносимая усталость. Просто не хотелось больше ничего делать. Даже шевелиться лишней раз. А Паулине быстро проверила рану и, обработав, перевязала вновь, не сказав больше ни слова. Разделив оставшиеся ещё запасы мяса и лепёшек на две части, чтобы хоть немного подкрепиться утром, они поужинали и устроились спать.

Единственное, что спросила Паулине напоследок:

– Они точно сюда не проберутся? – шёпотом, прижимая кулачки к груди.

Хоть и хорохорилась, держалась, а всё равно боялась проводить ночь в Пустоши. Помнится, он сказал, что сумеет её защитить, иначе не достоин. Какая глупость в самом деле. Защищаться нужно не от слангеров, а от неё самой.

– Точно, – буркнул Хилберт, отворачиваясь.

Нельзя смотреть. Особенно когда она так близко. Обернётся бедой: он просто возьмёт её силой – от ещё ворочающейся в груди злости и давящего мозг даже сейчас возбуждения – ведь Паулине вряд ли согласится теперь лечь под него добровольно. А ему, признаться, хотелось её гнева и сопротивления. Хотелось до зуда в ладонях и напряжения в паху. Проклятая ядовитая змея с гибким телом, завораживающей грацией и магнетическим взглядом. Паулине дер Энтин. Его личное наказание плетью по уже рассечённой плоти – изо дня в день.

Скоро Паулине совершенно непосредственно уснула. И хоть до этого она пыталась держаться на расстоянии, немного отодвинуться, теперь расслабилась

и перекадилась к Хилберту под бок в поисках тепла. Прижалась грудью к его спине, бедром – к пояснице. Двигаться было некуда, потому он смирился и скоро тоже уснул.

– Хилберт... – осторожный шёпот вырвал из чуткого поутру сна. – Хилберт!

Он шевельнулся, сбрасывая последнюю дремоту, и понял вдруг, что под его рукой слегка встревоженно вздымаются хрупкие рёбра, проступающие под кожей, ощутимые даже через ткань плотного платья. Он, ещё не вполне осознавая свои действия, скользнул ладонью чуть ниже, на мягкий живот – тот дрогнул от прикосновения. Послышался тихий вздох. И тогда только донеслась до рассудка вялая мысль: он лежит на твёрдой скамье, от которой уже онемел бок, и обнимает Паулине, весьма крепко прижимая к себе.

Хилберт отдернул руку, будто обжёгся.

– Что? – выдохнул, яростно потирая глаза. – Встаём. Пора идти... Да.

– Хилберт. – На сей раз Паулине тронула его плечо. – Око Хельда. Оно погасло.

Он вскочил резко, проснувшись окончательно. В боку стрельнуло болью, но это ладно, потому что шар в руках изваяния Светлого и правда перестал излучать сияние. А значит, порождения скоро почувют, что защита Храма пропала, и ринутся сюда. Через какое-то время, конечно, потеряют интерес к этому месту, но в первые дни здесь будет очень опасно.

– Надо уходить. Немедленно.

Хилберт встал и, быстро покидав вещи в сумку, потащил Паулине прочь.

– Надо осмотреть рану. Может, перевязать, – попыталась возразить девушка.

– Мениэр Видбри осмотрит. Дойду и так.

Они спешно выдвинулись в обратный путь. Задерживаться больше нет резона. Так или иначе, возвращаться придётся, но прежде – восстановить бы защиту Храма. Однако если Хилберта не возведут в ранг Главы, этого не случится.

Сплошные неурядицы. И кто им виной?

Хилберт невольно посмотрел на Паулине, которая, стараясь не отставать, шла за ним без единой жалобы. Она всю неблизкую дорогу до Волнпика остерегалась разговаривать. Ограничивалась односложными фразами. Может, опасалась отвлечь, помешать той сосредоточенности, с которой Хилберт озирался, чтобы не пропустить опасность. А может, просто подбирала слова. Или решала, как будет изворачиваться дальше.

Сегодня Хилберт совсем пришёл в себя, пропали те страшные ощущения развороченности – а потому встретить на пути порождения он не боялся. Даже несмотря на рану. Но, к счастью, обратный путь оказался спокойным и как будто более коротким. Несколько раз слышались вдалеке шаги и тихий клокочущий рык, но никто не напал. Словно твари чего-то опасались. Паулине настороженно прислушивалась, вертела головой и иногда порывалась схватить Хилберта за руку, но вовремя себя одёргивала. Хотя он не стал бы противиться. Если ей так спокойнее...

И его не покидало ощущение, что отпугивает чудищ как раз она. Точнее, то, что она содержит в себе, словно сосуд. Может, неосознанно девушка отталкивала их: ведь Науд сказал, что того полуобратившегося Изгнанного она даже сумела держать своей волей на месте некоторое время. Такой мощи Хилберт от неё, признаться, не ожидал. Да и кто бы ожидал от Ключа, а не Стража? Но и сложно было осознать двойственность её умений. А уж тем более угледеть в их применении умысел. Но разве теперь есть ещё чему удивляться?

Да только обращаться со своей силой толком Паулине, похоже, не умела. И отчего-то хотелось обучить её хоть чему-то. Раз уж такой уникальный Ключ достался. Но, насколько Хилберт знал, таких девушек никогда не обучали управлять силой Знака. Они знали только одно: что однажды им придётся просто передать её Стражу. А им самим она ни к чему.

А вот Паулине, похоже, знала о своих способностях гораздо больше. Она, верно, поставила цель изучить их – и достигла определённых успехов. По крайней мере достаточных для её личных намерений. Можно было, конечно, отдать её на поруки кому-то из Драконов Ордена. Учёных в Волнпике достаточно. Но зачем вручать ей ещё большую силу, чем она имеет сейчас, – знания?

Волпик навис тёмной громадой из полупрозрачной мути почти неожиданно. Прежде чем подниматься по лестнице, Хилберт всё же подал руку Паулине: ещё не хватало, чтобы оступилась и сверзилась с высоты. Эта сторона замка, обращённая к Пустоши, хранила свои опасности, казалось бы, незаметные.

Аарди удивлённо посмотрела на его ладонь, как на невиданного зверька.

– Да ну? – буркнула насмешливо.

Хилберт закатил глаза.

– Пойдёте сами? Если что, я не буду вас ловить.

– Будете.

Она фыркнула тихо, словно ёж, и пошла впереди, горделиво приподняв подол. Вот же зараза. – Хилберт поймал себя на том, что слегка улыбается, глядя ей вслед. И поспешил за ней, а то, не ровен час, как назло, споткнётся.

Дальше он проводил её до комнаты и остановился, не собираясь входить. Надо без необходимости с ней не встречаться хотя бы некоторое время и не находиться рядом. Да, она хотела с ним поговорить, но пока он не ощущал хоть малейшего желания её слушать.

– Без моего разрешения вы не покинете свою комнату, – распорядился перед тем, как распрощаться с ней. – Можете ходить только до столовой.

– Может, сразу меня запрёте? – Она вздёрнула подбородок.

– Может, и запру, если будете разговаривать со мной в таком тоне. – Он улыбнулся нарочито угрожающе, а Паулине даже ноздри раздула, до того её и распирало сейчас негодование. – Никаких походов в библиотеку. Уже находились, вижу.

– Вы собирались меня выслушать! – Её чуть покрасневшие от пыли глаза гневно сверкнули. – Я требую! Я ваша жена. Как бы то ни было!

Она шагнула было к нему, но он вскинул руку, предупреждая любое касание.

- Выслушаю, - повернулся уходить, - когда посчитаю нужным. Пока мне необходимо выяснить ещё кое-что.

И вдруг на него сзади напали. С кулаками. Осыпали ударами в спину, хорошо ощутимыми, но похожими скорее на толчки ложкой для мёда. Куда ни попадя, бестолково - видно, выплеснулась накопленная со вчерашнего дня злость.

- Почему вы не хотите меня слушать? Со стеной поговорить проще! Я не виновата! Не виновата, сожри вас гарг! - пыхтела Паулине. - У-у! Ненавижу!

Он, слегка покачиваясь под смешными атаками, вытерпел их, ожидая, пока схлынет с неё ярость птички, бьющейся в силках. И едва поборол острое желание развернуться и припечатать её о дверь. Вдавить затылком в толстое дерево и закрыть рот поцелуем, таким, чтобы у неё ещё два дня после болели губы и она не могла бы толком ими шевелить. Но он просто сделал шаг вперёд и пошёл к лестнице.

- Я приду. Обещаю. Отдохните хоть немного.

Слегка переведя дух после не слишком приятного пути и наведавшись-таки к лекарю, Хилберт отправился в ту часть замка, где располагались казармы Стражей, жилые комнаты для семейных и разного рода кабинеты и лаборатории тех, кто нёс в себе Облик Дракона, - иными словами, учёных Ордена.

Хилберт не особо любил с ними общаться. Чаще всего эти Стражи были слегка надменными и слишком задумчивыми для того, чтобы объяснить что-то простыми словами. Наверное, только мениэр Геролф Видбри казался не таким заносчивым. Но, к сожалению, сегодня Хилберту нужен был не только лекарь.

Он поднялся на самый верхний ярус одной из башен Волнпика, немного потоптался у двери, словно вызванный к наставнику ученик, но всё же вошёл после короткого стука и разрешения. В темноватых, строго убранных покоях было душно. Мастер любил топить камин пожарче, будто от этого мысли в его голове ворочались лучше. Педантичный порядок на полках и шкафах с книгами и свитками навевал невольное чувство вины за собственную кажущуюся расхлябанность. Хоть любые Стражи содержали себя в строгости и дисциплине.

Но и у них есть предел, который в этой личной обители, похоже, как раз отсутствовал.

- Добрый вечер, мениэр Ваартиг.

Хилберт прошёл сразу до стола, за которым, по своему обыкновению, сидел высокий седой до белизны мужчина с сухим, чуть желтоватым лицом. На нём особо выделялись только две черты: пронзительные зелёные глаза и заметные морщины на впалых щеках.

Мастер поднял на него заранее усталый взгляд. Так же он смотрел и десять лет назад, когда Хилберт был совсем юным Стражем, - ничего не поменялось.

- Добрый вечер, мениэр ван Берг. У вас что-то есть ко мне?

Он снова уставился в пухлый фолиант, что лежал перед ним. Одна раскрытая страница его была целиком исписана ровным педантичным почерком, вторая - наполовину чистая. Мужчина плавно поднял руку с пером и вписал ещё одно слово с таким видом, будто ему только что открылись все тайны мира.

- Есть. Скажите, вы когда-нибудь сталкивались с тем, что силы Ключа не переходят к Стражу? У вас довольно богатая практика. И ещё более богатая теория, мастер.

Тот опустил руку на запястье, оглядывая Хилберта всего, словно ощупывал каждую мышцу.

- Как прошёл ваш ритуал? - спросил вместо ответа.

- Отвратительно.

- Получается, вроу не раскрыла ваши силы? А я подумал, что мне показалось, когда вы сюда вошли.

- Вам не показалось. Её силы закрыты чем-то, как будто скованы. Они не перешли ко мне.

– Думаете, она не пустила? – Мастер снова опустил взгляд в книгу, словно всё это не слишком его интересовало. – Но такого не может быть. Ключ предназначен для Стража. Он не может сопротивляться тому, чтобы войти в созданную для него замочную скважину. Верно?

– Считаете, дело во мне? – Внутри снова начал нарастать гнев, уже было отброшенный, остывший.

– Всё может быть... У вас весьма специфические отношения с женой. Правда, я ни разу не встречал, чтобы ритуал не удался. Но, если желаете, я могу исследовать и вроу, и вас. Возможно, что-то откроется.

Хилберт не сводил взгляда с сосредоточенного лица Ваартига. Как будто того вовсе не волновало, согласится он или уйдёт, посчитав проверку унижительной. Это сродни тому, чтобы проверять мужчину, мужчина ли он. Но ведь это в интересах всех Стражей!

– Может, это вам поможет? Я давно должен был вам его показать. Но как-то... замотался. – Хилберт вынул из-за пояса кинжал, который однажды забрал у Паулине, и положил перед носом мастера, прямо на книгу.

Тот тихо хмыкнул и тут же убрал перо.

– Что это за игрушка? – прищурился, склоняясь ближе.

Осторожно взял кончиками пальцев и повертел. Но, чем больше он рассматривал несерьёзное на вид оружие, тем больше вытягивалось его и без того вытянутое лицо.

– Вы же знаете язык оудов, – пояснил Хилберт. – Мне показалось, что на лезвии и рукояти именно его знаки. Или я не прав?

Мастер посмотрел на него исподлобья с лёгким удивлением, словно всегда считал нерадивым учеником, а теперь вдруг обнаружил, что тот не так уж туп.

– Вы правы, йонкер, – согласился, задумчиво растягивая слова.

Вот он, этот тон, эта манера говорить, будто тебе делают большое одолжение.

– Так что скажете?

– Пока ничего. Это очень старое наречие. Очень старое. Идёт почти от самых истоков оудов. Мёртвый язык утерянных заклинаний. Возможно, даже запретных. Я знаю его частично. Только в рамках нужного для работы и изысканий. А тут очень сложная вязь символов. Как будто бессмыслица на первый взгляд. Потому мне нужно время, чтобы понять.

– Сколько времени вам нужно?

– Не могу сказать точно... – Мастер всё крутил и крутил в пальцах кинжал, как будто тот поглощал его с головой. Всё, считай увлёкся. – Вам к спеху, мениэр?

– Очень к спеху, – проворчал Хилберт. – Хотелось бы, чтобы вы разобрались с этими символами побыстрее. От этого многое зависит. А там можете проверять меня или впроу так, как посчитаете нужным.

– Я постараюсь.

Ваартиг пожал плечами и взмахнул рукой, напоминая, что Хилберту пора уходить.

– Всего доброго, – сказал тот напоследок нарочито громко, словно к глухому обращался.

Да так почти и было, потому как теперь отвлечь мастера от этого кинжала не сумеет даже землетрясение.

Но и хорошо: может, разберётся побыстрее. А вот его предположение о том, что сам Хилберт мог не пустить Ключ, хоть и казалось вздором, а всё равно мелкой занозой засело в мыслях. Такого никогда не случалось. Чтобы Страж не принял Ключ. Впрочем, как, получается, не было и того, чтобы Ключ оказался бесполезен.

Хилберт не стал дожидаться, как весть о неудачном ритуале дойдёт до Совета. Выслал гонцов сам – по всем участникам с просьбой приехать в Волнпик для собрания. Оно, так или иначе, должно было состояться после открытия в Хилберте новых сил. А сейчас он не собирался оправдываться, но гораздо хуже будет, если его после вызовут пред очи советников, словно провинившегося шалопая. Придётся ждать пару дней, как соберутся все.

Между заботами старшего Стража, что свалились на него по возвращении, занятый мыслями о кинжале и грядущей малоприятной беседе с Советом, Хилберт совсем перестал отслеживать время. А может, просто этим пытался оправдать для себя то, что не торопился наведываться к жене для разговора, который обещал. Он просто не желал её сейчас видеть. Да и ей станет уроком некоторое ожидание: будет время подумать. Он гнал прислугу, которую жена присылала к нему. Не откликнулся на приход Дине. На другой день не спустился на завтрак и обед, едва перехватив в своих покоях то, что приносил слуга. И только за ужином выяснил, что всё это время Паулине вообще не выходила из своей комнаты, хоть Хилберт и разрешил ей спускаться в столовую. Стража, которую он оставил наблюдать за её дверью, подтвердила.

– Она хоть ест? – поинтересовался он у Дине, которая вяло и недовольно ковырялась вилкой в тарелке.

Та передёрнула плечами, как будто даже и отвечать не хотела. Она заметно дулась на него: видно, считала, что он поступил с женой слишком жёстко.

– Лаура носит ей еду. – Сестра наконец подняла взгляд. – Почему ты снова считаешь её виноватой? Мне показалось, что ты стал относиться к ней мягче. Она посылала к тебе слуг. Я тоже ходила к тебе, но ни разу не застала. Ты умеешь ускользать, когда тебе нужно. А ведь хотел её выслушать...

– Её оправдания.

– Не важно.

– Знаешь, почему я считаю её виноватой, Дине? – Хилберт вздохнул. – Потому что всё, что случилось с силой Ключа, которая не перешла ко мне, не могло произойти без её согласия. Такое просто невозможно. Никто, кроме Стража, не может забрать её. И никто извне – повлиять на неё. Значит...

– Но ведь это неточно... – попыталась всё же настоять на своём Дине.

Но она осеклась, когда Хилберт встал.

– Скажи, почему ты на её стороне? – Он оперся ладонями о стол, нависая над девушкой. – Чем она так сумела тебя очаровать?

– Может, просто я смотрю на неё другими глазами? – Дине снова уставилась в тарелку. – И не стремлюсь обвинить во всём.

– Я тоже перестал винить её во всём. И похоже, зря. Сейчас просто нет других вариантов.

Сказал, как будто соврал. Разве нет? Может ли быть так, что она и правда не знает? Что причина в нём самом? Или это некий врождённый дефект Ключа? Неправильное распределение сил? «В Ключе был изъян», – вспомнились слова служителя на церемонии. Как в воду глядел...

Хилберт оттолкнулся от столешницы и вышел. Почти бездумно поднялся мимо своего яруса башни на следующий – и едва не столкнулся наверху лестницы со служанкой Паулине – Лаурой. Он опустил взгляд на поднос, что та держала в руках – так и есть: еда не тронута.

– И давно так? – Он пропустил девушку мимо себя.

– С того момента, как вы вернулись из Пустоши.

– Принесите горячую.

Он прошёл дальше и, громко постучав, но не дожидаясь разрешения, заглянул в комнату. Первое, на что обратил внимание после того, как выхватил светлую фигурку Паулине сквозь мрак покоев, – разбитое зеркало трюмо. Осколки, конечно, уже были убраны, но рама зияла теперь тёмным пятном пустых досок.

Паулине сидела в кресле у почти потухшего камина. И на коленях лежала раскрытая книга. Откуда бы ей тут взяться? Ведь вроу запрещено посещать

библиотеку.

– Я не разрешала вам входить, – бросила девушка, не поворачивая головы. – Мени-эр.

Её отчётливые и холодные слова впились ледяными осколками в кожу.

– Мне не нужно разрешение, чтобы войти в покои своей жены.

– Вижу, вы решили исполнить обещание до того, как я состарюсь. Или вам нравится, когда за вами бегают, умоляют, ползают на коленях? Надеюсь, вы приятно пощекотали своё мелкое тщеславие?

Хилберт нахмурился, вглядываясь в её неподвижный профиль. И понял вдруг, что что-то изломилось в ней во время того ритуала. Что-то необратимо поменялось – так что теперь это невозможно было принять за игру воображения. Или за игру отпетой притворщицы и лгуни. И невыносимо захотелось узнать всё, что сейчас лежало грудой тяжёлых булыжников в её мыслях, от которых взволнованно вздымалась округлая грудь Паулине. Что чеканило её силуэт твёрдостью камня так ясно, что зудели кончики пальцев от желания очертить его, ощутить все пленительные изгибы кожей.

– Не говорите ерунды. – Хилберт укорил себя за слишком мягкую вибрацию в голосе. Это было непостижимо до того, что невозможно сопротивляться. – Я пришёл. И я готов слушать всё, что вы решите мне сказать.

Паулине не ответила, словно онемела или обратилась камнем. Словно передумала вообще разговаривать с ним – и молчанием своим с размаху ударила по груди, будто холодной после осеннего дождя веткой. Хилберт подошёл ближе. Заглянул в раскрытые страницы лежащего на коленях жены фолианта, пробежался взглядом по строчкам. «Изучение Ключей и ритуалов, с ними связанных». Он хорошо знал этот труд.

– Откуда у вас книга?

– Попросила принести Дине.

Ну, конечно. Можно было догадаться, что она найдёт способ обойти запрет. Но злиться отчего-то не хотелось. Наоборот, закралось подозрение, что Паулине всё же хочет сама разобраться с тем, что с ней случилось – значит, и правда для неё совершённое в Храме открытие – такая же неожиданность? Или нет?

Проклятье! Эти постоянные сомнения разрывали голову на куски. Когда хочется верить, но нельзя.

– Вам нужно есть. Хоть иногда, – пока сменил тему Хилберт.

– А вам не плевать? Наверное, я не успею сдохнуть до того, как вы найдёте способ вынуть из меня то, что вам нужно. Я не хочу есть.

– Прекратите! Мне не плевать. – Хилберт собрался было опуститься в кресло напротив, но присел перед женой на корточки, заглядывая в её осунувшееся и посеревшее лицо. Она посмотрела на него в ответ – бесцветно и безразлично. – Я поговорил с мастером-учёным. Вчера. Он сказал, что дело может быть вообще не в вас. А во мне.

Паулине едва заметно приподняла брови – всё, чем выдала любопытство. Её лоб прорезался тончайшими морщинками.

– Такое возможно? Я пока не нашла тут ничего подобного.

Она указала пальчиком на строчки книги. Прочитала, оказывается, уже достаточно много. Больше половины. Кто бы мог представить такую тягу Паулине к научным и историческим трудам. Она раньше только сонеты читала. Весна-птички-вздохи под луной. Хотя всё это оказалось обманом – в итоге. Её кажущаяся наивность и романтичность. Непременно огромная любовь и непременно взаимная.

– Наверное, возможно всё. Ключи и Стражи изучены, казалось бы. Но всё меняется. – Хилберт и сам пытался осознать свои слова. – Постепенно, с каждым годом. Ключи уже не те, какими были сто лет назад. И Стражи совсем не те воины, которые не давали Пустоши двигаться на юг веками, пока не произошёл Вдох Шада.

– Почему он случился? Если Стражи сдерживали?.. – Голос Паулине немного расцвёл заинтересованными интонациями.

– Произошёл слом. Однажды сила Стражей стала очень большой. И случилось перераспределение потоков тёмных и светлых энергий на изломе, где всегда существовала Пустошь. – Рассказ являлся в голове сам собой, однажды заученный. Нельзя стать Стражем, не зная, с чего все началось.

– И это отрезало Стражей от оудов?

– Да. Долго считалось, что они просто все погибли в борьбе с наступлением Пустоши и её порождений. А сейчас в этом никто не уверен.

Паулине снова откинула голову на спинку кресла, вперилась в потолок и сжала тонкими пальцами подлокотники. Хилберт уставился на её кисть замороженно, рассматривая изящные жилки и острые выступающие косточки. Свет камина играл мягкими переливами на её гладкой коже.

– Вы верите в это, да? – Тут только он заметил, что Паулине смотрит на него снова. – В то, что Стражи не остались одни? Без помощи тех, кто их породил...

– Может, это и наивно, но я верю, – пришлось согласиться. – И признаться, часто подумывал о том, что, получив настоящие силы, я смогу добраться до другого края.

– Зачем?

– Затем, что хочу понять себя. Потому что отказываюсь верить, что это необратимо. То, что со мной происходит. И хочу понять, как спасти тех, кто ещё не оказался в Пустоши.

– Благородные порывы. Это на вас не похоже, – с сомнением усмехнулась девушка.

– Каждый должен получать по заслугам. Но всегда горько видеть, когда достаётся тем, кто, по сути, ни в чём не виноват. Кто оказался в плену не поддающегося воле тела.

– Какое правильное наблюдение, мениэр. – Девушка изучала его так внимательно, как никогда раньше. – Наверное, вы всё же не безнадежны...

В её словах почудилась странная подоплёка. Будто она исподволь подводила его к некой мысли. А он незаметно для самого себя выворачивался перед ней наизнанку. Рассказывал то, что не хотел открывать. И это происходило так естественно, что только и поражаться. Ведь это она должна была что-то ему поведать, но получилось так, что его размотала, как клубок, почти добравшись до саднящей сердцевины.

– А если оуды не знают, как вам помочь? – Спокойный мягкий голос Паулине касался старых рубцов, словно одно из снадобий мениэра Видбри. С тем отличием, что не вонял, какдохлый слангер.

– Я не могу ничего утверждать, пока не встречу хотя бы одного оуда. Но мне хочется думать, что они знают. Если существуют.

– Вы авантюрист? – Паулине вдруг улыбнулась – вот этой её особенной «новой» улыбкой. – Никогда бы не подумала.

– Вы многое обо мне не знаете. Вы...

– Я хотела бы узнать. Но день ото дня вы методично убиваете во мне это желание.

Её слова повисли в тишине покоев тяжёлой хлябью. Готовой пролиться неизвестно чем. То ли огненным дождём, который сейчас, на этом самом месте, спалит их обоих дотла. То ли отрезвляющим холодным потоком, когда они оба поймут, что шагнули за какую-то невидимую грань. За которой откроются совсем другими сторонами. И сумеют ли дальше жить с этим? Жить бок о бок после того, как размололи друг другу души на мелкие куски, не пытаясь собрать. Желая только разрушить.

– Вы верите в оудов, мениэр, – вновь заговорила Паулине. И в груди что-то словно хрустнуло. – Верите в спасение собственной гибнущей души. А во что вы ещё готовы поверить?

Показалось, она задышала чуть чаще. И взволнованный стук её сердца отдавался лёгкими пульсациями в груди Хилберта. Как будто между ними всё же зародилась слабая связь. После общего зова и его преодоления. Неужели она снова начнёт оправдываться? И всё это рассыплется в пыль?

Но сейчас Хилберт понимал, что готов её хотя бы выслушать. Ведь если будет отталкивать от себя постоянно, то не приблизится к отгадке ни на шаг.

– Смотря что вы хотите мне сказать...

Паулине выпрямилась, и Хилберт едва успел поймать упавшую с её колен книгу.

– Я не Паулине дер Энтин.

Он недоверчиво качнул головой. Уже слышал такое, и, признаться, подобные заявления пока не внушили никакого доверия.

– Но почему тогда вы выглядите, как она? – На губы сама собой напозла ехидная улыбка.

– Потому что я оказалась в её теле. Против воли. А она заняла моё. В другом мире. – Девушка начала говорить чуть быстрее, будто боялась, что её вот-вот прервут. Но заставила себя выровнять тон. – Я должна была выйти замуж. Но очутилась здесь. Первый раз я увидела вас, мениэр, в лесу. Когда была ранена, а вы забрали у меня кинжал. Я ничего не помню. Почти ничего – из прошлого Паулине. Только обрывки. Я жила в другом городе, о котором вы наверняка не знаете. Да и откуда вам знать... Он совсем не похож на ваш. Совсем. И моя жизнь была не похожа на ту, что здесь.

Голова мигом вспухла от попыток осознать весь этот бред, что она несла. Другой мир. Другая жизнь... Такие выдумки он и не рассчитывал от неё услышать. Но внутри будто закололо что-то. Какое-то мизерное сомнение – а вдруг? По сути, что он знает о том, что всегда считал очевидным и привычным? На деле оказалось, что почти ничего. Крупницы. Тающие под дождём хлебные крошки. Ведь он сам отмечал явную неправильность в поведении той девушки, что помнил. Надо признать. Другие слова, другую манеру говорить. Взгляд, жесты... Он ведь замечал. Может быть, это просто искусная игра?

– Допустим, – решил не рубить сгоряча. – И как же вас зовут?

– Полина. – Глаза её как будто зажглись надеждой.

Но на лице застыло опасливое выражение.

– По-лина, – повторил он, примеряясь к другому звучанию привычного имени.

Оно приятно прокатилось низкими нотами по горлу. Как будто что-то встало на свои места и заиграло нужными гранями. Рассудок вопил, что это невозможно. Что ей нельзя верить. Но какое-то глубинное чутьё подсказывало, что нельзя отбрасывать её слова, не попытавшись разобраться.

– Вы не можете не понимать, что я говорю правду, – слегка надавила девушка, когда молчание начало затягиваться, когда его колебания стали очевидными. – Вы же не дурак, мениэр. Вы не слепой. Вы боретесь с тем, что внутри вас изо дня в день. А я уже много дней борюсь с тем, что снаружи меня. С этим телом, которое вам ненавистно. За которым вы не хотите видеть ничего, кроме образа, выросшего из ваших предубеждений. Но я не Паулине дер Энтин. Мне надоело перевоспитывать её для вас.

Она наклонилась и схватила его запястья. Лицо её оказалось так близко, что Хилберт мог рассмотреть каждую крапинку радужки в блестящих глазах. Он поднял руки и обхватил его ладонями. Девушка попыталась вырваться, но замерла в ожидании. Ему нравилось, как лицо её смотрится в его руках, особенно сейчас: не беззащитным, мягким, а твёрдым и требовательным. Она как будто говорила: на, смотри. Пойми наконец. Она подалась вперёд ещё, продолжая цепляться за запястья. Но кажется, задрожала мелко-мелко: то ли от волнения, то ли уже от слабости. И лёгкое тепло её губ едва ощутимо коснулось кожи.

– Почему вы не настояли на своей правде раньше? – Хилберт слегка надавил на её кожу пальцами.

– А вы поверили бы мне? – Голос Полины – теперь хотелось называть её только так – снова сверкнул обломком льда.

Он задумался. Не поверил бы – ничуть. Посмеялся бы и стал бы доверять её словам ещё меньше.

– Нет.

– Вот и я решила, что нет. – Она слегка усмехнулась, уже справившись с проблеском непрощённой слабости, которую никак не хотела показать.

Не отстранилась и не попыталась сократить расстояние. Её губы шевелились в опасной близости от его. Вздрагивали чёрные острые, как маленькие копья, ресницы.

– А сейчас почему признались?

– Больше некуда тянуть. Я не знаю, что ещё подготовила мне и вам Паулине. И чем ещё обернётся её очередная возможная подлость. Я не хочу умереть. Я не хочу, чтобы вы убили меня. И мне нужна ваша помощь так же, как вам – моя.

– Какой же помощи вы хотите?

– Я хочу найти способ вернуться домой. Но знаю о вашем мире слишком мало, чтобы суметь это в одиночку.

Как будто тупой колотушкой ударила под дых. Но ведь это неудивительно. Вряд ли она желает остаться здесь. Хилберт отпустил её, позволяя выпрямиться. Она снова застыла как изваяние, близкая и неуловимо недоступная.

– И, думается, вы готовы на многое, чтобы добиться своей цели? – От её слов, таких диких, но в то же время необъяснимо логичных, острая горечь разливалась где-то в груди. Горечь неверия. Нежелания принимать то, что на глазах рушило привычное течение жизни, каким бы паршивым оно ни было.

– Конечно, я понимаю, что без выгоды для себя вы не окажете мне великую милость. – Девушка деловито качнула головой. – Я готова сделать всё, что от меня требуется. Передать вам силу Ключа, когда нужно. А сначала попытаться вместе с вами понять, почему это не получилось в Пустынном Храме. Вдвоём мы справимся лучше, чем если будем постоянно враждовать от взаимного

непонимания.

– Вы даже вышли за меня замуж... Решили сделать ручным? – Хилберт слегка склонил голову набок, рассматривая её лицо с возрастающим интересом.

– В моём мире это порой срabатывает. – Полина улыбнулась с лёгкой иронией. – Но вы не похожи на тех мужчин, что я знала раньше.

Даже непонятно, воспринимать это как лесть или как упрёк. Но надо всем сказанной девушкой, которую он, возможно, и не знал вовсе, стоило поразмыслить лучше. Не судить на горячую голову, отказываясь принимать, но и не кидаться в омут, не глядя. Паулине может проявить изрядную хитрость, если это всё же она.

– Но, несмотря на это, вы не отступились.

– Я подумала, что, когда иссякнут ваши претензии к Паулине, ваши подозрения в том, что она хочет сбежать, вы выслушаете меня, – размеренно пояснила девушка. – Но, кажется, её вине перед вами не будет конца никогда. А я не хочу нести чужой груз. Мне достаточно своего. Который остался дома.

– Я выслушал. – Хилберт сомкнул пальцы в замок, борясь с желанием вновь её коснуться. – И я подумаю. Мне нужно подумать. И нужно узнать, какие знаки на том кинжале. Может, они подтвердят ваши слова. Или окажется, что не имеют к ним никакого отношения.

– Понимаю. – Полина обезоруживающе улыбнулась. – Но, кажется, времени у нас всё меньше.

Хилберт кивнул, вставая. Но тут заметил брошенную на пол книгу и наклонился поднять, а после положил обратно на колени жены. Жены ли? Тронул обоняние запах её кожи – и Хилберт втянул его жадно, почти пьянея. Похоже, он сам себя продолжал загонять в это болото. Предавать – шаг за шагом – Ренске: одними только мыслями о Полине. О её возможной невинности перед ним. А значит, и самого себя – того, кто верил когда-то, что сумеет обойтись без Ключа.

– Вы всё же поешьте, – проговорил он напоследок, дав вставшую комком в горле досаду. – Лаура принесёт вам сейчас. А я дам вам знать, когда что-то решу.

Он снова поймал её взгляд в обрамлении тёмных ресниц, а потом вышел. На площадке ему попала Лаура – с подносом, полным посуды, закутанной в полотенца – чтобы не остыла.

– Как она, мениэр? – спросила служанка осторожно.

– Не отставайте от неё, пока не поужинает. Я проверю.

Девушка присела в реверансе, провожая Хилберта взглядом, а он вернулся в свои покои гораздо более раздербаненным, чем был ещё утром.

И не оказалось ничего удивительного в том, что Хилберт паршиво спал в эту ночь. Порой, когда всё же накатывала дремота, начинало казаться, что весь разговор с Полиной – или Паулине? – это сон. Обрывок сна, настолько реальный, что даже пугает. Он вертел её слова так и эдак, и они постепенно накладывались на его собственные ощущения рядом с этой девушкой. Она была так спокойна – до холодности – и убедительна. Она как будто была уверена в том, что он ей поверит. На этот раз – да.

Но сколько бы Хилберт ни обдумывал всё услышанное, а не смог уложить в голове до конца. Он, конечно, знал о том, что когда-то давно оуды проводили подобные ритуалы. Но в границах своего мира. Они настолько тонко владели материей душ и Обликов, что могли управлять ими. Перемещать и заменять один другим. Из этих экспериментов, говорили, и пошли многие проблемы Стражей. А ещё появились первые химеры.

Потому об умении перемещать души в Ордене решили поскорее забыть. Наложить на подобные попытки запрет. Но, конечно, перестать размышлять об этом совсем смогли не все. И хорошо бы расспросить об этом мениэра Ваартига, да не показалось бы подозрительным. И без того кинжал, если он связан с возможным ритуалом, что сумела провести Паулине, может навести его на лишние мысли. Никому пока не стоит знать даже о странном разговоре Хилберта с женой. А уж он попытается разобраться в этом.

Отчего-то правильным казалось, что он не стал настаивать на вине Паулине во всей этой истории с запертыми силами Знака. А если она вовсе не она – то Хилберт выглядел бы совсем уж глупо. Он пока не собирался принимать за истину весь рассказ Полины. Но уже не мог отмахнуться от него, сочтя выдумкой. Потому что в таком случае к гаргу в задницу этот мир, где живут такие лживые женщины и где одна умышленная подлость сменяется другой без перерыва, – и этому нет разумного объяснения, кроме затяжной обиды и мести.

Хилберт хотел пойти к жене снова. Расспросить ещё о многом, выслушать рассказ о её мире, если таковой и правда был. И понаблюдать за ней – честно признаться, для того, чтобы убедить себя самого в правдивости её слов. Да и кому лгать? Он просто хотел снова её увидеть.

Но торопиться не стоит. Нужно хоть немного времени, которого и так мало, чтобы осмыслить.

В течение следующего дня один за другим в Волнпик приехали советники. Не задержал их в дороге и дождь, что начался ещё ночью и обещал не стихать до самого вечера. Едва мужчины обсохли и согрелись, Хилберт разослал ко всем лакеев, чтобы те передали просьбу собраться в Круглом зале – для того разговора, ради которого он, собственно, всех и созвал.

Как только ему доложили, что все собрались, Хилберт спустился тоже на самый нижний ярус замка. Прошёл по торжественному ходу, который многие сотни лет охраняли каменные Стражи с раскрытыми Обликами. На миг он остановился в дверях, войдя внутрь: и правда, все здесь. Все шесть человек. Почти всех их Хилберт знал с детства. Двое йонкеров с западных земель были ровесниками отца. Ещё двое – совсем молодые, только недавно занявшие высокие ранги. С ними вместе даже приходилось служить когда-то, пока отец много времени проводил в Шадоурике. Пятого довелось видеть всего несколько раз: он служил дальше всех на востоке. И только волею случая задержался после свадьбы в Ривервоте на несколько дней, иначе пришлось бы ждать его дольше других. А шестым был антреманн – Феддрик ван Стин.

– Добрый день, господа.

Хилберт прошёл дальше и сел в одно из кресел. Не в самое высокое, что предназначалось для Главы Ордена – его занимать пока рано, ведь церемонии

Посвящения ещё не было. Ещё не вынес окончательный вердикт Совет, хоть особо ему и некуда деваться.

– Как мы полагаем, вы собрали нас по не самому приятному поводу, – начал говорить антреманн.

И его явное нетерпение прокатилось внутри мгновенным раздражением. Хилберта всегда интересовало, как Феддрик ван Стин сумел просочиться в Совет? Он не был Стражем даже с самыми слабыми способностями. Да и раньше антреманны не слишком часто влезали в дела Ордена. Но тут он проявил прямо-таки необыкновенное рвение сунуть нос везде, разузнать всё, что только можно. Правда, пока что советники всё же ограничивали его в полномочиях, хоть и пустили в свои ряды. Ведь Феддрик помогал заработать неплохие деньги с продажи тварей из Пустоши. И вёл многие переговоры с королём.

– Думаю, я должен поставить вас в известность, чтобы не было после пустых обвинений в сокрытии произошедшего. – Хилберт постарался взглядом передать антреманну горячее пожелание побольше молчать. – Дело в том, что ритуал в Пустынном Храме прошёл не так, как предполагалось.

– Иными словами... – настороженно подошёл к нему солидный, занимающий почти всё широкое кресло Дирк Ромп.

– Иными словами, Ключ не отомкнул во мне нужные способности, – хоть и неприятно, а сознаваться надо. – Его силы заключены внутри вроу ван Берг, но не могут перейти ко мне.

Хилберт понимал, что каждым словом он роет себе яму всё глубже и глубже. И видел, как удивление на лицах советников, каждый из которых в своё время или сейчас мечтал занять место Главы, сменяется холодной подозрительностью. А Феддрик и вовсе загадочно улыбнулся: и неизвестно, что он хотел тем выразить. То ли удовлетворение от такой вести, то ли ошарашенное недоумение.

– И в чём же причина? – проскрежетал Ламберт ван Диз, уже довольно дряхлый, но упёртый старикан, который всё никак не хотел уступить своё кресло кому-то более молодому и амбициозному.

Но, поговаривали, что как раз двоюродный брат Феддрика – Тейн Мейер скоро займёт его место. Возможно, не позже, чем зимой. Хилберт в целом ничего не имел против него, кроме некоторых слабых подозрений в сомнительных связях, а потому мешать пока не собирался.

– Пока не знаю. Мастер Ордена мениэр Ваартиг предположил, что причина может быть как в Ключе, так и во мне. И учёные Волнпика приложат все усилия, чтобы это выяснить.

– Будем надеяться, что на это у них не уйдёт много времени, – проворчал ван Диз. – Мы возлагали большие надежды на Паулине дер Энтин. Как, впрочем, и на вас. Но Око Хельда в Храме погасло. Как скоро защита спадёт и с Волнпика? А за ним со всей горной гряды?

И раньше бывало такое, что Храм оставался без защиты: когда погибнул Глава, а Совет никак не мог сойтись в том, кого возвести на его место. Но ни разу не случилось, чтобы разом весь щит на Волнпике исчезал. Для этого нужно много времени. Может, сейчас чуть меньше, чем век назад, но не один месяц пройдёт.

– И справедливым будет то, что до выяснения всех нюансов и путей решения проблемы мы не станем возводить вас, мениэр, в ранг Главы, – добавил Ромп.

– Оставьте Орден обезглавленным ещё дольше? – фыркнул Хилберт. – Здесь дела идут и без того тяжко. А если вы ещё будете ограничивать меня в полномочиях...

– Орден останется под дланью Совета, – прервал его Дирк. – И пока вы решаете свои... личные проблемы, мы будем контролировать основные вопросы.

Даже лёгкая улыбка не помогла сгладить ледяной холодности процеженных, словно через мелкое сито, слов.

– Но советуем вам поторопиться, – напомнил ван Диз. – Если до зимы вы не найдёте способ всё же отомкнуть ваши умения и передать силу Главы Стражам, мы вынуждены будем подыскать на это место другого человека. А Ключ перейдёт в распоряжение Ордена.

Какого?.. Они что, совсем спятили?! Хилберт не удержал грохнувшего по рёбрам горячим шквалом гнева: привстал, упираясь ладонями в гладкий полированный стол и наклоняясь вперёд.

- Пойдите-пойдите. - Он еле сумел успокоить яростное дыхание. - Паулине не только связана обязательствами с домом ван Бергов. Она ещё и моя жена!

- Если вы не можете с толком распорядиться тем, что дано вам волей Хельда Светлого, то рациональнее будет...

- А не пошли бы вы?.. - Хилберт ударил ладонью по столешнице. - Повторяю, Паулине - моя жена. Не наложница, не любовница, не служанка! Жена.

- Кажется, ещё недавно вы были о ней другого мнения, - ехидно заметил Феддрик, отрывая взгляд от своих ногтей, которые только что внимательно рассматривал. - Что даёт некий повод думать, что любовница из неё как раз очень неплохая.

Солидные мужи тихо захмыкали, точно мальчишки, услышавшие пошлость.

- Только это не даёт вам права говорить о ней скабрёзности. - Хилберт наклонился в его сторону. - Кто вы такой, чтобы позволять себе...

- Вам напомнить, о чём мы с вами говорили недавно? - не унимался антреманн, словно поймал жгучий азарт.

- Прекратите, мениэры, - грянул Ромп так, что, кажется, люстра под сводом качнулась. - Мы здесь не для того, чтобы обсуждать ваши личные дела.

Остальные поддержали его согласным гулом. Они качали головами, переглядываясь с осуждением на лицах. А Хилберт неотрывно смотрел на Феддрика, жалея до спазмов в горле, что вообще однажды согласился вести с ним подобные разговоры. Он не соглашался на условия антреманна, но тот, похоже, уже считал, что дело это решённое.

- Мы будем обсуждать это снова, как только что-то прояснится, - попытался успокоить всех явно уставший от всего ван Диз. - Но справедливости ради надо

повторить: когда на первом месте интересы Ордена и безопасность антрекена, а там и всего королевства, семейные узы должны отступить на задний план. К тому же вспомним о зависимом положении в роу ван Берг. Считать её в полной мере свободной нельзя. Хоть она и не рабыня, конечно.

– Я уверяю вас, всё разрешится. – Хилберт кивнул, не желая вступать в открытую распря с Советом.

В нынешнем положении это может только навредить ему и Паулине. Благо развивать неудобную тему больше никто не стал. Ещё немного пообсуждав остальные насущные дела Ордена – раз уж собрались, – мужчины начали расходиться.

– Нехорошо идти на попятный, – бросил напоследок Федрик ван Стин, на мгновение задержавшись рядом с Хилбертом.

– Нехорошо домысливать за меня слова, которых я не произносил. И питать пустые надежды, – тем же ровным и сухим тоном ответил тот.

Вместе они вышли из зала.

Гонимый в спину горячей яростью от разговора с советниками, Хилберт хотел было пойти к жене. Но вовремя понял, что на волне собственных ещё не ушедших сомнений и раздражения может наговорить лишнего, а то и вновь с ней рассориться. Только желание это было настолько сильным, что пришлось даже дверь свою запереть и убрать ключ подальше, чтобы ненароком не выскочить из комнаты.

Одно только он знал теперь точно: Совету он свою жену не отдаст, пусть хоть полопаются.

Глава 2

Я надеялась, что больше не придётся просыпаться ночью от зова. Но сегодня это случилось вновь. Пожалуй, сначала он почти не беспокоил, лишь вплетался в

сновидение, которое я не могла теперь вспомнить, а после грянул так громко, что меня буквально подбросило на постели.

Снова. Снова, – билось в голове беспрестанно, пока я натягивала халат и нашаривала на полу туфли. Нужно скорее идти: каждый раз сковывал страх, что очередной приступ может оказаться последним. Что после него не будет больше Хилберта, а останется кто-то другой. Кто-то, кого изгонят в Пустошь. И вроде бы неким сторонним чутьём я осознавала неправильность всего происходящего, какую-то новую черту, над которой стоило задуматься. Но спросонья и от тяжёлой тревоги, что буквально дышать мне мешала, я отбросила эти мысли, как ненужные. Главное, скорее успеть: теперь-то сумею, потому что чувствовала себя на этот раз собранной и даже бодрой, а не размятым вилкой омлетом.

Но едва я открыла дверь, как чуть не налетела на Хилберта, который качнулся вперёд, как раз собираясь постучать.

– Куда вы? – Он слегка подтолкнул меня в плечо, заставляя шагнуть назад в комнату.

– Я слышала зов. Я думала, это у вас снова... – не договорила, потому что было ясно как белый день, что с Хилбертом всё в порядке.

– На Волнпик напали порождения. Много. Брешь прорвалась. – Йонкер коротко оглянулся на дверь, за которой уже зарождался глухой шум. – Запритесь в своих покоях. И не выходите отсюда, если только я вас не позову.

– Но этот зов? – Я успела ухватить его за локоть, пока не ушёл. – Откуда он? Вы его слышите?

– Он предназначен не мне. Тварей призвали. – Он оглядел меня критически. – И это не вы. На ваше счастье.

– Конечно, не я!

– Сидите здесь, каким бы сильным ни был зов. – Хилберт провёл ладонью по моей щеке медленно, с лёгким нажимом, пристально изучая каждую черту лица. Я хотела накрыть её своей, но он отдернул руку. – Я предупрежу Дине.

Он вышел – и в открытую дверь на миг ворвался разрастающийся повсюду грохот, тихий лязг и топот. А ещё пока слабо осязаемый смрад. Совсем такой, как исходил от тех слангеров в Пустоши.

Я сначала отшатнулась в глубь комнаты, настолько сильный ужас качнулся внутри, вышибая пол из-под ног. И неизвестно, за кого я больше боялась: за себя или Хилберта. А вдруг этот непрекращающийся зов опасен для него? Но тут же пришлось вспомнить, что дверь надо бы запереть: пренебрегать приказом йонкера вовсе не следовало.

Несколько раз повернула ключ в замке и сжала его в ладони крепко, неосознанно – очнулась только когда стало больно.

Чем дальше, тем громче становился звук сражения кругом: он доносился снизу, с лестницы, и даже, кажется, со двора. И хотелось выглянуть в окно, но оно не открывалось. Я то ходила по комнате, то замирала у двери, прислушиваясь и сотрясаясь от нервного озноба, то садилась в кресло и бездумно смотрела на пламя свечи, пытаюсь расчленить звучащий в голове зов и понять его природу. А может, отыскать источник. Он явно исходил не из Пустоши. И не из моего нутра. Он не был абстрактным, тяжёлым, как свинец. Его точно создал кто-то не такой сильный. Однако его оказалось достаточно, чтобы порождения, прорвав брешь, хлынули в Волнпик.

Не знаю, как далеко ещё оставалось до утра, когда тугой комок из топота, выкриков и лязга выкатился на площадку перед нашими с Дине комнатами. Он колыхался, то отдаляясь, то наскакивая, словно разъярённый зверь. Смрад потянулся сквозь каждую доступную щель, наполняя спальню, заставляя прикрывать нос ладонью. Что-то грохнуло в дверь – та содрогнулась с ужасающим треском. Сломается! Я вздрогнула, невольно пытаюсь отогнать опасность подальше. Словно толкнулась разумом во что-то сильное и горячее. Увязла в чужой дикой, не поддающейся сущности. И всё на миг замерло.

– Уходит! – раздался выкрик. Первый разумный за всё это время. – Лови его!

Затопотало, залазгало. Шум снова откатился к лестнице. Вспыхнул тяжёлым дыханием напряжённой схватки – и стих. После короткой передышки глухо зазвучали мужские голоса. Они что-то обсудили коротко. Приблизились шаги к моей двери.

– Вроу, – окликнули меня. – Вроу, вы как?

Незнакомый мужчина. Но, кажется, искреннее участие слышалось в его тоне.

– В порядке! – пискнула я, едва выдавив хоть какой-то звук.

Страж этим, похоже, удовлетворился и тут же ушёл. Теперь вокруг стало почти тихо. И я так напряжённо прислушивалась, что казалось, будто слышу, как, кряхтя и толкаясь, плывут по небу неизменные тучи. Непонятно, как меня сморил сон – при такой-то взвинченности. Кажется, только прилегла, унимая взволнованный стук сердца, – и вот уже провалилась в вязкую дрему. А после вздрогнула, когда в дверь снова постучали. Я кинулась открывать, ещё плохо соображая, но уже зная какими-то закоулками интуиции, кого увижу за дверью.

Открыла и, сделав ещё шаг вперёд, повисла на шее Хилберта, зная, что он испачкан кровью, что устал и злится – непременно, – но было плевать. Я даже не нашла в себе душевных сил удивиться, когда йонкер обнял меня в ответ. Не так, как в Пустоши: лишь бы дитя не плакало – а с настоящим пылом человека, который только что испытал некое облегчение. Как будто он тоже боялся... Да только не за себя.

– Всё почти закончилось. Ложитесь отдыхать, – шептал он, глядя меня по спине. – Завтра вы уезжаете в Шадоурик.

Я отстранилась, шаря взглядом по его лицу: словно каменному.

– Зачем?

Хилберт тоже сделал шаг назад.

– Здесь для вас, да и для всех, слишком опасно. Боюсь, нынешний прорыв бреши был не случайным. Но вы и сама это понимаете. И, думаю, это как-то касается вас. – Йонкер отвёл взгляд, словно ему вдруг стало тяжело смотреть на меня. – Возможно, Паулине заслужила всё это. Но если вы говорите правду... Вам лучше уехать.

– А вы? – Я протянула руку и коснулась его груди, стараясь не смотреть на бурые пятна, что густо покрывали рубашку.

– Мне нужно остаться здесь. Пока что. Снова будет разговор с Советом. А они... имеют на вас определённые виды.

– Что значит – виды?

– Это значит, что любой повод – и они сочтут нужным забрать вас в распоряжение Ордена. – Йонкер чуть повысил голос.

– А они не обнаглели? – Я едва на задохнулась. – Хилберт!

– Я не позволю, – бросил он до жути устало. Повернулся было уходить. – И, если вам будут говорить обратное, что я готов отдать вас, знайте – это неправда. Отдыхайте. Встать придётся рано.

За ним закрылась дверь: и только в этот миг я поняла, что зов прекратился.

Не хотелось уезжать из Волнпика. Хоть этот замок я совсем не любила. Смутно несправедливым казалось решение Хилберта услатить меня подальше отсюда – и разбирала большая тревога за то, как он будет здесь без меня. А если снова его приступы, снова зов, который давил раз от раза всё сильнее? Хотелось верить, что он будет и дальше справляться с ним сам – ведь жил как-то раньше... Но Дине, которая собиралась ехать в Шадоурик со мной, тоже заметно злилась и волновалась. Она уже в который раз принималась перебирать вещи в дорожном сундуке: что-то выкладывала, и возвращала обратно, и шевелила губами беззвучно.

– Думаете, случится что-то плохое? – осторожно заговорила я, наблюдая за ней.

Мои вещи уже были собраны, и слуги унесли их, чтобы погрузить в карету.

– Думаю, Хилберт знает, что делает. Хоть его затея мне и не нравится. – Дине швырнула в сундук какой-то платок. – Но дело не только в ночном нападении. На Совете явно что-то случилось. Что заставило его отослать вас.

– Может, это и хорошо, – попыталась я успокоить себя саму. – Я смогу выяснить что-то в Шадоурике о ритуале инициации Ключа. Может, в нём была ошибка.

– Хилберт не одобрит, если вы влезете в это без него, – укорила йонкери.

– Я только узнаю. – Я миролюбиво улыбнулась.

В конце концов, может, именно тот ритуал выведет меня на ниточку, что протянется к возвращению домой и освобождению сил Ключа, что так нужны Хилберту. Всё это должно быть связано между собой. За что-то наверняка можно зацепиться! Но вот беспокойство за вынужденного мужа никак не отпускало. Он словно нарочно отталкивал меня от себя, чтобы я не попала под удар, который предназначается ему. Или хотел укрыть от чьих-то глаз до поры. А может, он просто уже начал убирать меня подальше. Чтобы было легче решать неведомые мне дела.

Дине всё же собралась, и вместе мы спустились во двор, уже убранный после ночной напасти. Пока слуги закрепляли наш багаж на запятках кареты, мы стояли на крыльце, глядя то в пасмурное небо, то на ворота, куда сейчас придётся выезжать. И внутри меня металось что-то. Хотелось пойти обратно в замок и разыскать Хилберта. Хотя бы пару слов сказать на прощание, пусть ему это, наверное, не нужно. Но, будто услышав мои мысли, распахнулась дверь, и к нам вышел сначала Алдрик, которого йонкер отправлял с нами, а за ним и он сам.

Страж прошёл дальше, только бросив короткий взгляд на Дине, и остановился рядом с теми воинами, что должны были тоже сопровождать нас до Шадоурика. Он что-то серьёзно и размеренно говорил им, а те слушали сосредоточенно, время от времени переводя на нас с йонкери взгляды. На этот раз с нами отправляли много Стражей – двенадцать человек – небывалый эскорт.

– Я хотел бы поехать с вами. – Пальцы Хилберта сжались на моём локте.

Я слегка повернула к нему голову.

– Но вынуждены остаться. Я понимаю.

– Я рад, что вы понимаете, вроу.

Боже, как тягостно слышать эти официальные обращения: я никак не могла к ним привыкнуть. Особенно сейчас они кололи уши и пробегались раздражением по нервам. Хилберт скользнул ладонью вниз по моему предплечью. Подхватив мою кисть, поднял и поцеловал тыльную сторону, мягко сжимая пальцами. Я закусила губу, мысленно проклиная его за это. За каждый подобный жест, который оседал в душе воспоминанием: только и прокручивать, как диафильм. Анализируя, примеряя и пытаюсь понять, что чувствую в ответ.

– Паулине! – окликнула меня Дине, уже садясь в карету.

Алдрик поддерживал йонкери под локоток. И, прежде чем она исчезла внутри, Страж успел-таки скользнуть ладонью по её талии. Тоже страдальцы – у всех свои переживания. Я сделала было шаг вперёд, но Хилберт удержал меня, обхватив за пояс. Его губы прижались к шее под затылком, скользнули вниз, играя на выступающих позвонках.

– Я скоро приеду, – хрипло проговорил йонкер и отпустил меня.

Не знаю, как я дошла до кареты, переставляя ослабевшие ноги. Алдрик и мне подал руку, я опёрлась на неё, сжала так сильно, что Страж взглянул на меня удивлённо, а затем перевёл взгляд на Хилберта, который так и стоял на крыльце. Губы мужчины сжались, будто он не одобрял всего, что происходит.

Скоро мы спустились с холма и покатали через долину, затянутую тончайшей пеленой тумана, помалу тающей с рассветом.

Со стороны Пустоши напозала огромная серо-синяя туча. Она некоторое время тащилась за нами, будто самый главный Страж, а после начала осыпаться дождём. Сопровождающие накинули плащи, превратившись как будто и вовсе в неподвижные камни. Мы поехали уже знакомым путём – через Моссхил. Даже на ночь остановились на том же постоялом дворе, откуда я забрала Лауру. Впрочем, она, кажется, ничуть не тосковала по этой работе. Сейчас она до поры осталась в Волнпике: я сама настояла на этом. Хоть девушка и призналась мне в просьбе антреманна, а червь недоверия к ней продолжал грызть.

Невольно вспомнилось, как я вообще оказалась здесь первый раз: раненая, напуганная и ни черта не понимающая. С тех пор будто целая вечность прошла. И сотни сотен шагов от острого неприятия всего, что со мной случилось, до хоть какой-то уверенности в том, что я здесь теперь не одна.

Как только мы миновали некую невидимую черту, погода сразу улучшилась, словно дыхание Пустоши, что тянулось вдоль гор, наконец иссякло. Чаше стали попадаться на пути аккуратные солнечные деревни с приветливыми жителями, каменными приземистыми домами и неизменными мельницами подле каждой из них. Иногда те вытягивались целыми цепями вдоль чуть подтопленных лугов и рек, что блестящими змеями то и дело распластывались на равнинах.

– Эти мельницы принадлежат ван Бергам? – решила спросить я у Дине.

Ведь что-то слышала о том, что под их надзором как раз находятся мельницы под Шадоуриком, с помощью которых осушают большие территории в заболоченных поймах рек.

– Да. Практически все, что вблизи города. В некоторых из них постоянно живут люди. В некоторых только иногда.

Похоже, мой вопрос йонкери ничуть не удивил. Выслушав её, я снова уставилась в окно, наслаждаясь колоритным пейзажем в устало-золотистых тонах отгорающей осени. Интересно, далеко отсюда море? Конечно, дальние путешествия мне запрещены, но всё же, может, удастся уговорить йонкери выехать куда-то – посмотреть окрестности. Конечно, когда основные намеченные мной дела будут разрешены. А может – мелькнула вдруг шальная мысль, – мне даже удастся съездить куда-то с Хилбертом? Когда он приедет...

Я легонько тряхнула головой, прогоняя непрошенные мечтания. И откуда только они взялись? Будто и правда размышляю о совместном отпуске с мужем. Глупость какая... Но эти солнечные виды, совсем не похожие на суровую мрачность Волнпика, невольно нагоняли на меня лёгкую негу. Чистейшая пёстрая пастораль, как на полотнах Ван Гога: яркие мазки, от которых как будто меркнет в глазах всё остальное, когда-либо виденное. Даже можно было разглядеть прогуливающийся вдалеке скот, который ещё не увели в зимние загоны.

Шадоурик приятно меня удивил. Он не был похож ни на мрачный Моссхил, ни на строгий и в то же время вызывающе яркий Ривервот: он имел собственное лицо, сложенное из грубо вытесанных округлых камней, белёных оконных рам и зелёных ставней – совсем таких, какие я видела однажды в воспоминаниях Паулине. Он пах дымом печей и пряными булочками. Сеном и последними осенними цветами в аккуратных балконных ящиках. Он звучал оживлёнными голосами горожан и звоном молота в дальней кузне. Грохотом колёс по неровной мостовой и хлопаньем крыльев птиц, напоминающих голубей, что вспархивали из-под них спешно и садились на карнизах, подставляя сизые спины солнцу.

В этот городок можно было влюбиться с первого взгляда. И отчего-то мне хотелось плакать, глядя на него, как будто я и правда оказалась вдруг дома. Странное чувство. Настолько глубинное, что его и правда можно было списать на ещё оставшуюся во мне, но спрятанную куда-то далеко память Паулине. Но нет, я видела его своими глазами, чувствовала своим восприятием. Ведь случается в жизни попасть в такие места, которые сразу кажутся родными.

Пока мы ехали по узкой улочке, я сидела, высунув голову в окно. Когда аромат булочек стал сильнее – стала приглядываться со всем вниманием. И увидела лавку с вывеской в виде какой-то фигурной плюшки.

– Можно остановимся? – повернулась к Дине.

– Конечно. – Та кивнула.

Я позвонила в специальный колокольчик, и кучер остановил карету точно перед дверью лавки. Я забежала внутрь и купила свежайших рогаликов с корицей. Я была просто уверена, что это корица – запах не перепутаешь ни с чем.

Лавочница поздоровалась и попрощалась со мной по имени и сунула в мешочек ещё какую-то сладость в подарок. Значит, знает давно. Иногда в теле Паулине были и свои плюсы.

Мы проехали через городок почти насквозь. Только на окраине свернули по боковой дорожке, и скоро вдали показалось большое поместье, почти утопающее в густой роще массивных деревьев, которые напомнили мне дубы или, скорее, древние клёны. Да и листва, что устилала землю под ними, была красной и резной. Мы выехали на широкую аллею. Огромный каменный дом всё рос, рос, поднимаясь выше крон. Он был совсем не похож на замок – и это

радовало. После Волнпика хотелось пожить в другой обстановке. Высокие арочные окна и массивная дверь главного входа – вокруг подъездной площадки клумбы и кованые арки, из-под которых в глубь рощи убежали узкие, присыпанные мелким гравием дорожки.

– За помещьем хорошо ухаживают, – проговорила я вслух. – Даже без хозяев.

– Я очень надеюсь, что скоро Хилберт вернётся сюда совсем. Как закончит все дела в Волнпике.

Понятно, на какие дела Дине мне намекала. Карета остановилась – и тут же, как будто только и ждал этого момента, на крыльцо вышел высокий, чуть грузный мужчина лет сорока. Но вполне себе энергичный и приветливый. Подоспел Алдрик, чтобы помочь нам с Дине выйти. Пока я выползала из экипажа, оглядывая всё вокруг, разинув рот, йонкери уже помчалась обнимать встретившего нас мужчину.

– Это Паулине ван Берг, супруга Хилберта, – пояснила она, как только я подошла. – А это мениэр Барелт Эсдорн. Управляющий помещьем. Только благодаря ему и вроу Эсдорн дом ещё не развалился.

– Ну что вы, мейси, – усмехнулся управляющий в густые усы. – Мениэр ван Берг-младший приезжает сюда достаточно часто. Не так часто, как хотелось бы, но...

И тут я вспомнила мениэра Эсдорна. Оказывается, видела его мельком на церемонии погребения Маттейса. Но нас официально никто друг другу не представил. Сейчас всё встало на свои места.

Мне предоставили большую и необычайно светлую комнату с огромной кроватью, явно рассчитанной не на меня одну. Супружеская спальня, которую я пока буду занимать в одиночестве? Она была роскошной и уютной в то же время: совсем не такой, что в Волнпике. В ней я, пожалуй, хотела бы просыпаться каждое утро. И почему-то хотелось плакать от неожиданно переполнивших меня чувств. Я провела ладонью по гладкому покрывалу на постели – стёганому, вышитому мелким цветочком. И показалось, что когда-то во сне уже проводила рукой по точно такому же покрывалу. Острое дежавю.

– Здесь чудесно. – Я обернулась на вроу Эсдорн, которая проводила меня сюда.

– Я знала, что вам понравится. Добро пожаловать, – улыбнулась женщина и тихо вышла.

Я села на край постели, упирая взгляд в сияющее солнечными переливами окно. Не верилось.

После ужина наведальась и в покои Дине: более скромные – только для неё. Здесь даже мольберт стоял. Йонкери уже разложила свои кисти и палитры на столике рядом с ним, но холст ещё оставался чистым.

– Я хочу попросить вас об одолжении, мейси, – обратилась я к девушке, которая стояла у темнеющего окна, внимательно глядя во двор, как будто тоже поверить ещё не могла, что оказалась здесь.

– Да, конечно, – ответила та рассеянно.

– Хитлен – поместье дер Энтин – принадлежит теперь дому ван Бергов? – Дине повернулась ко мне и кивнула, внимательно приглядываясь. – Мы можем съездить туда?

Отчего-то казалось, что там я смогу отыскать что-то полезное. А может, и нет. Но всё равно побывать в доме Паулине не будет лишним – так хотя бы пойму что-то о ней, может быть, сумею лучше узнать её мотивы, а там...

– Если вам так угодно. – Дине пожала плечами. Но что-то в выражении её лица дало понять, что затея не слишком ей понравилась.

Мы выехали в поместье рано утром. Благо местный кучер хорошо знал, где оно находится, а потому показывать дорогу не пришлось, потому как я, конечно, её не знала. Но зато постаралась запомнить хорошенько, чтобы при случае не упасть в грязь лицом. Конечно, я опасалась того, что там найду, и того, какие люди меня встретят, ведь они должны быть знакомы Паулине. Но с этой проблемой можно разобраться и на месте.

И скоро я увидела поместье: оно стояло совсем на окраине Шадоурика. Гораздо более скромное, чем Стормастайг, но чем-то похожее на него: очертаниями главного дома и всё теми же зелёными ставнями. Вот только подъезд к нему

был почти полностью завален листьями, лишь едва примятыми. На крыше сбоку поскрипывал под слабым ветром флюгер в виде птички, слегка ржавый. Черепица тоже давно не чистилась и местами поросла мхом. Хитлен выглядел запущенным и покинутым. Однако возле крыльца стоял небольшой экипаж с гербом на дверце. Мгновение размышлений: ведь я всё же изучала геральдику основных родов антрекена в библиотеке. И прежде чем воспоминание оформилось в голове, его подтолкнула Дине:

– Ван Стины? Что они здесь делают? – Она высунулась в окно рядом со мной.

Так, очень прекрасно. Похоже, антреманн совсем не собирался оставлять меня без присмотра, хоть его просьба, кажется, и не носила принудительного характера. Навстречу нам из дома неожиданно вышла женщина, суховатая и высокая, с пышной причёской, как облако вокруг головы, отчего она напоминала наполовину облетевший одуванчик.

– Мейси! – воскликнула, завидев меня. – Прошу прощения, вроу ван Берг, – поправилась с явным смущением и подошла.

– Здравствуйте, – без особого энтузиазма поздоровалась я, не зная, как должна себя с ней вести.

Но женщина, которая вблизи оказалась совсем не старой, кажется, ничуть не обиделась и не удивилась и тут же повернулась к Дине.

– Мейси ван Берг, – надо же, узнала. – Меня зовут Илсе, я экономка в этом доме. К сожалению, мы не ждали вашего приезда.

– Мы и сами не ждали, – ответила та, приветливо улыбаясь.

Женщина провела нас внутрь.

– Я распоряжусь об обеде ещё на три персоны, – экономка глянула в ту сторону, куда ушёл Алдрик вместе со Стражами. – На пять... – И быстро скрылась где-то в полутёмных недрах дома, видно, считая, что дальше я разберусь и сама.

Внутри оказалось чуть более уютно и убрано. Но всё равно в глаза бросалась лёгкая обветшалость, как будто всё здесь не поддерживалось в нормальном состоянии уже несколько лет. И это шло вразрез с обрывком воспоминаний Паулине, что сидел у меня в голове: светлые коридоры, отполированные двери, лёгкие занавеси на окнах. Сейчас на этот вид словно наложили сепию: он потускнел и потёрся, как старый кожаный чемодан.

Но не успели мы с Дине толком оглядеться, как послышались шаги, и на площадке между пролётами лестницы встал Тейн Мейер.

– Доброе утро вроу. Мейси. – Он поклонился сдержанно, и его острый взгляд пробежался по нашим с йонкери лицам.

– Доброе, – буркнула я не слишком вежливо.

Просто чудненько. Только его мне не хватало для полнейшего счастья. И главное: что он тут забыл? Неужто поджидал нарочно? Аард вцепился в меня тяжёлым, но вместе с тем разгорячённым взглядом. Так, что захотелось отмахнуться: до того осязаемый жар хлынул от груди вверх к щекам. Я ещё помнила тот взгляд, которым он одарил меня на завтраке после нашей с Хилбертом брачной ночи. Столько было на его лице гнева, который он должен был сдерживать, столько опасной решимости. И сейчас они вновь разгорались в глазах Тейна, будто он сейчас же упадёт на меня коршуном и утащит куда-то далеко.

– Позвольте узнать, что вы тут делаете? – Я покосилась на Дине, которая оглядывала мужчину с недоуменной подозрительностью.

– Мениэр Феддрик ван Стин решил приобрести это поместье, – пояснил аард, не двигаясь со своего места. – В подарок сестре. Или в приданое. Оно как раз выставлено на продажу. Я разберусь с делами. А Ренске наведёт здесь порядок.

– Ей бы для начала навести порядок в своей голове. – Я фыркнула и начала подниматься. – Разве ваша кухня уже обзавелась новым женихом?

– Нет. – Тейн странно улыбнулся.

– Очень жаль.

Я постаралась без суеты пройти мимо, но под ногу вдруг как будто случайно попала ступня аарда. Я запнулась и неловко попыталась ухватиться за перила. Тейн обхватил меня за талию и чуть дёрнул к себе, вынуждая опереться на него плечом. Я упёрлась ладонью в его грудь, пытаюсь отстраниться как можно скорей. Привлечённая шумом Дине, которая уже поднималась вслед за мной, вскинула голову: и её взгляд ожидаемо потемнел. Наверное, хорошо я смотрелась в достаточно откровенных объятиях Тейна. А он, судя по всему, был доволен своей провокацией. Вот же мерзавец! Зря я не выложила всё о нём Хилберту перед отъездом: да как-то забылось. И уж тем более я не могла предположить, что он вдруг окажется здесь.

– Пустите, – прошипела тихо.

И тут же со всей силы наступила ему на ногу. Он сглотнул, с трудом удержав другие звуки, – и его ладонь наконец исчезла с моей спины, по которой уже уверенно скользила вверх.

Я просочилась мимо него и постаралась исчезнуть с глаз поскорей. Теперь йонкери подумает не бог весть что! Этого мне только не хватало. А начну оправдываться – станет только хуже: потому лучше сделать вид, что ничего и не было. А вот Алдрика стоит предупредить: пусть будет начеку.

Я пошла по тесноватому коридору, заглядывая в каждую комнату. Искала, конечно, «свою», но с таким видом, будто просто проверяла, всё ли здесь в порядке. Но вот остановилась, распахнув дверь, и каким-то глубинным чутьём поняла, что нашла нечто нужное.

Светлая комната, явно уже давно нежилая, хоть всё и убрано аккуратно. Небольшое трюмо у стены, окна без занавесок, но чистые. Кровать не слишком широкая, но просторная для одного человека, с пышной периной и множеством вышитых подушек. Дине остановилась за моей спиной, и мы замерли, вместе оглядывая явно девичью спальню.

– Если вы желаете остаться здесь на несколько дней, вроу, – услышался позади голос экономки, – мейси ван Берг может остаться в комнате Эдит. Я всё подготовлю.

Я вздрогнула. Значит, всё же ошиблась – посчитала комнату пропавшей сестры Паулине за нужную. Я обернулась.

– Нет-нет. Мы скоро вернёмся в Стормастайг. Ночевать не будем. Просто проводите мейси ван Берг и... других гостей в столовую. А я побуду немного здесь.

Пришлось пустить в голос побольше задумчивости и даже печали. В конце концов, Паулине может тосковать по сестре. Может пожелать задержаться в её спальне, чтобы вспомнить и повздыхать о былом. Видно, женщины рассудили так же, потому что Дине, кивнув мне, деликатно отступила, и вроу Илсе увела её прочь – туда, где ещё слышались смутно голоса чужих здесь людей.

Я торопливо закрыла дверь. Отчего-то так хотелось остаться здесь одной. Как будто перед глазами начала проявляться чужая жизнь. В маленьких деталях, в запахах, смешанных с пылью и временем. И вот уже как будто колышутся на окнах занавески с мелкими красными цветочками на них... Точно красными. И слышатся голоса многочисленной прислуги внизу. Во дворе лает собака, а мужской голос ровно и настойчиво пытается псину успокоить. Тончайшие нити памяти прорезались из небытия, выросли, словно травинка между камней.

Две девушки лежали на кровати, сомкнув руки и секретничая. Они тихо хихикали, в их разговоре звучали мужские имена: тех, кто тревожил их сердца. Хилберт – с придыханием, почти со стоном – так сильно жаждет, что невозможно терпеть и ждать каждой встречи, гадая, что чувствует он.

Лукас – хитро, но в то же время обречённо, потому что нет больше никого, кроме. Никто не нужен. Только подождать немного. Всего чуть-чуть.

Девушка с каштановыми волосами вскочила с постели. Глянула воровато на дверь: как бы кто не вошёл.

– Я прочту тебе... – шепнула сестре.

Остановилась у комода и дёрнула ручку ящика...

Я протянула руку и медленно открыла тот же ящик – пустой, вещей нет, только какой-то мелкий мусор скопился в углах. Хотела было уже закрыть, но провела по дну пальцами – и звук показался мне как будто чуть гулким. Я, ломая ногти, подцепила доску и подняла её – а внутри, в тайнике обнаружился ворох писем. Не слишком много, но всё же.

Я оглянулась на дверь и взяла верхнее. Почерк внутри оказался размашистым и чуть неровным. Часто встречались кляксы, как будто писалось всё в спешке или неудобной обстановке.

«Завтра, как стемнеет, выходи в сад. Я тебя встречу. Доберёмся до гарнизона, а там по тропе в Пустошь. Если ты всё ещё не боишься пойти со мной, Эдит. Я буду ждать».

Это всё, что было написано на неровно оборванном листке. Я бездумно схватилась за другой. А потом и за третий. Это не были пространственные послания, хоть в них и встречались признания, уверения в чувствах. Это был скорее алгоритм действий. По нарастающей, к самому главному дню – когда Эдит всё же сбежала. На самом дне ящика я нашла свиток: уже более аккуратный, официальный со сломанной печатью на обрывке бечёвки, что когда-то связывала его. «Решение об участии в осеннем аукционе». Похоже, сестёр дер Энтин некие власти принудили участвовать в аукционе. И первой оказалась как раз младшая. Получается, она тоже была Ключом. Да только, похоже, никто не знал, что свою невинность она отдала тому, кого выбрало её сердце. А раз он был Стражем, то и связала себя с ним – хоть и не до конца. Только вот он ли позже помог ей сбежать? Ни в одном из посланий не упоминалось его имени.

Я так увлеклась изучением бумаг, что не сразу услышала шаги, которые приближались к комнате. Тут же сгребла все письма в охапку и, задрвав подол, сунула их в плотный чулок. И едва успела закрыть ящик, прежде чем в спальню вошли.

Тут же всё внутри похолодело: Тейн. Он быстро затворил дверь.

– Я всё это время хотел узнать, как вы, – заговорил он сразу, приближаясь ко мне. – С того момента, как вы отказались уехать перед свадьбой...

– Так это было ваших рук дело. – Я шагнула навстречу. – Я же вам всё сказала! К чему это пустое упорство?

– Я думал, вы просто испугались. Решил, что моя инициатива облегчит вам жизнь. – Аард невозмутимо развёл руками. – И всё закончилось бы удачно, если бы вы не струсили. И не сбежали от приставленных к вам людей. Они погибли из-за вас.

Я сглотнула горький комок в горле. Ведь он прав. Неужели того лакея тоже замучили где-то в застенках Волнпика? Признаться, его судьбой я даже не озаботилась, потонув в собственных проблемах и суете.

– Мне жаль, что так вышло, – проговорила, пытаюсь пройти мимо. – Но не надо было решать за меня и считать, будто моё мнение ничего не стоит.

Стальная хватка остановила меня на пути к двери. Тейн прижал меня к себе одной рукой. Другой обхватил под затылком, мягко массируя кожу сквозь волосы. Словно котёнка гладил, пытаюсь успокоить, чтобы он перестал шипеть.

– Вы обещали, – проговорил низко, с хрипотцой, – что разделите со мной свой путь. Что готовы завершить начатое дело. Но несколько дней с ван Бергом – и меняете своё мнение на противоположное. Считаете, я должен к нему прислушиваться? Вы играете. Вы сводите мужчин с ума, Паулине. И Хилберт уже поддался, раз отправил вас сюда. Я знал, на что шёл. И не хочу отступить.

Он толкнул меня, прижимая к комоду. Потянул волосы, заставляя откинуть голову. Его губы скользнули по открытой шее вверх. Я вцепилась в его плечи, отталкивая от себя всеми силами.

– Отпустите! – почти крикнула, едва сдерживаясь.

Но Тейн накрыл мои губы своими. Запечатал в груди всё, что я ещё хотела бы сказать. Я тоже схватила обеими руками его падающие на плечи волосы, отдирая от себя, но он терпел. Тогда, едва сумев немного оттолкнуть, я со всего размаху пнула его коленом в пах. По крайней мере метила туда. И попала, судя по тому, как аард сдавленно выдохнул, освобождая мои губы. Я тут же вывернулась и бросилась к двери, чувствуя, как опасно выскальзывают листки из моего чулка. Вот-вот посыплются на пол.

– Надеюсь, теперь я понятно объяснила? – только на миг обернулась к Тейну, прежде чем выскочить из комнаты.

– Ваш норв известен. А слова не стоят и сломанной подковы, вроу ван Берг. Возможно, вы ещё вззоете от жизни с Хилбертом. Возможно, вас всё же продадут, потому как он даже силу вашу оказался неспособен забрать. Никчёмный осколок бывшего могущества его рода.

Тейн выпрямился, уже оправившись от удара.

– Катитесь вы... – Я не смогла подобрать подходящего маршрута.

– Вы ошиблись с выбором, вроу. Ещё не знаете, как сильно, – только и услышала напоследок, уже закрывая дверь.

Совместный обед с Тейном ожидаемо вышел скомканным. Он постоянно пытался меня задеть, хоть я и отмалчивалась с завидной стойкостью, либо отвечала как можно более скупо, если промолчать вовсе не выходило. Аард осыпал меня откровенно испытующими взглядами, чем вызвал немало подозрений у Дине, которая то и дело посматривала то на него, то на меня. Похоже, избежать расспросов всё же не удастся.

Но, к счастью, он скоро уехал. Я сумела сложить изъятые из комода бумаги поудобнее, и мы с йонкери ещё немного погуляли по поместью. Дине пока ни о чём не стала меня пытаться, хотя и чувствовалось в её поведении лёгкое напряжение. И я каждый миг ожидала неудобных вопросов. Как бы она не вывалила все свои догадки напрямик на голову Хилберта. Впрочем, перед ним мне есть чем оправдаться, есть чем объяснить.

После визита в Хитлен на душе как будто камень остался. Вид помалу разваливающегося огромного дома, пустых комнат и полутёмных коридоров, где только иногда проскакивали редкие слуги, уже зарастающего сада, который я видела в обрывке воспоминаний Паулине, – всё это словно копотью оседало внутри. И хотелось хоть что-то сделать. Не отдавать этот дом никому с молотка, а уж тем более семейству ван Стин. И Ренске, которая, похоже, искала любой способ, чтобы унижить меня и показать моё истинное место: нищей, потерявшей всё, что составляло когда-то высокий статус, содержанки. А то, что жена, – так

это уже и не важно. К тому же здесь наверняка была выгода и для антреманна – мне пока до конца не понятная.

Скоро мы с Дине и грозным сопровождением всё же покинули Хитлен, распрощавшись с приветливой и заботливой вроу Илсе. Дальнейший путь наш лежал в храм, где в своё восемнадцатилетие Паулине прошла так называемую инициацию и стала полноценным Ключом. Или нет, судя по тому, что произошло в Пустоши.

Но оказалось, что нужный храм стоит вовсе не в Шадоурике, а в соседнем городке Грутвивер: совсем недалеко от гарнизона Стражей. Пришлось ехать туда, хоть Дине и пыталась уговорить меня всё же дожидаться Хилберта.

Как и в Ривервоте, храм стоял в центре городка, на небольшой полукруглой площади, где всюду шла оживлённая торговля. Не сказать что я была шопоголиком, но тут, среди всей этой шумной пестроты настоящего базарчика: со сладостями, яркими тканями и даже украшениями вперемешку с вполне обычными предметами обихода – захотелось хоть недолго по нему пройтись. Без средств Хилберт меня не оставил: накануне отъезда дал увесистый кошелёчек с серебряными монетами, на которых был выбит какой-то незнакомый мужчина. Наверное, король.

Я понятия не имела, много ли у меня денег, а потому решила, что тратить по возможности вообще ничего не буду. Но тут йонкери потянула меня за собой, как только мы вышли из кареты, и пришлось идти за ней. Ну ладно – я не слишком сопротивлялась, надо признать. Только и посмотрела в сторону высокого строгого храма, мысленно пообещав себе, что мы глянем лишь одним глазочком. Стражи, обречённо переглядываясь и вздыхая, поплелись за нами. После того как я предупредила Алдрика насчёт проявляющего ко мне повышенный интерес Тейна, тот без присмотра меня оставлять не собирался. А уж тем более в такой толкотне.

Дине, понятное дело, сразу ринулась к прилавку алхимика, где среди разных скляночек и горшочков нашлись и небольшие баночки с красками. Теперь всё, видимо, за уши не оттащишь. Я, конечно, ничего особо интересного для себя не нашла, но поглазела немного от скуки. Для меня этот рынок походил на лавку с сувенирами где-то на старых улочках одной из европейских столиц. Дине что-то всё же купила, и скоро мы снова направились к храму.

Почти у самого входа повстречали полноватую служительницу, которая подметала крыльцо.

– Скажите, старший служитель у себя? – обратилась я к ней после приветствия. – Простите, запомновала имя. Давно здесь не была.

Женщина подняла на меня взгляд и почему-то слегка побледнела. По крайней мере мне так показалось. Она выглядела в общем-то совсем не пожилой: около сорока лет. Но тёмно-зелёное одеяние так не шло к цвету её кожи, что слегка старило. Особенно издалека.

– Мейси дер Энтин, – проговорила она как будто сама себе.

Я замялась, не зная даже, что на это ответить. К сожалению, никакого бейджа у неё на груди, конечно же, не было. А она, похоже, неплохо меня знала. И возможно, наше знакомство не было совсем уж приятным, судя по её реакции.

– Простите, – решила честно ответить я. – Я не уверена, что мы знакомы.

Служительница тут же глянула мне за спину, где стояли Алдрик и Дине. Неизвестно, какие процессы произошли в этот миг в её голове, но она вдруг виновато улыбнулась.

– Вы меня, видно, не помните. Уж столько времени прошло. Я Ханне. Мы встречались в храме перед подготовкой вашей инициации. И на ней тоже.

– Ах да! – воскликнула я радостно. – Вы оказали мне тогда немалую заботу, вроу. Как я могла забыть.

Женщина покивала.

– Мениэр Панкрас Гланс у себя сегодня. Можете проходить на третий ярус. Второй поворот налево, если запомновали. Он будет рад вас видеть.

Отчего-то я в этом сомневалась. Если подумать о том, что я собиралась ему сказать. Но, на время распрощавшись с приветливой и подозрительной служительницей, мы свернули в боковой ход через двустворчатую дверь. Я,

делая вид, словно ходила этими переходами не раз, уверенно шла впереди, слушая, как проносятся под высокими сводами торопливые шаги Дине и широкие, более тяжёлые – Алдрика. Скоро мы поднялись по винтовой лестнице в одну из башенок храма, свернули там, где сказала вроу Ханна, и ненадолго задержались у приземистой двери, плотно зажатой между стен в узком проходе. Я оглянулась на йонкери и постучала. Внутри стихли едва слышные голоса, и оттуда донеслось разрешение входить. Вместе со спутниками мы прошли в довольно просторный – хоть снаружи и не скажешь – кабинет.

За столом друг напротив друга сидели двое мужчин. Видно, до нашего появления они вели вполне спокойную беседу за кружечкой волрейна.

– Добрый день! – весьма приветливо протянул старший из них, уже седоватый высокий мужчина с каким-то слегка прямоугольным лицом. – Вроу ван Берг. Позвольте сразу поздравить вас с обручением.

Надо же! И тут знают... Он встал, слегка придерживая полу свободного одеяния до щиколоток. Поднялся и его собеседник, кивнув нам с Дине и Алдриком по очереди.

– Добрый день, мениэр Гланс. Позвольте представить вам моих спутников. Мейси Дине ван Берг и мениэр Алдрик Стаал.

– Мне чрезвычайно приятно познакомиться! – Старший служитель что-то тихо сказал второму мужчине, и тот, откланявшись, ушёл. А мениэр Гланс продолжил прерванный разговор: – Правда, меня весьма озадачивает ваш визит, вроу. Признаться, я думал, что вы уехали надолго.

– Возникли некоторые проблемы, в которых, я надеюсь, вы сумеете мне помочь.

Я приняла приглашающий взмах руки служителя и опустилась в жёсткое кресло у его стола. Дине с Алдриком сели в два других – чуть поодаль. Но можно быть уверенной, они прекрасно слышали всё, о чём говорилось. Теперь мне без надзирателей никуда. Распоряжения на этот счёт от Хилберта были вполне чёткими. Да я и не возражала. Не хватало мне ещё одной попытки похищения, учитывая, что Тейн наверняка где-то поблизости.

– Я весь внимание, вроу. – Панкрас сел на своё место, не забыв улыбнуться всем.

– Дело в том, что я подозреваю, что во время ритуала инициации были допущены некоторые ошибки. Возможно, даже злой умысел. Потому как я не сумела передать свои силы супругу в Пустынном Храме.

– Это исключено, – покачал головой служитель.

– Вы уверены? Ведь это достаточно тонкий процесс. И любое неверное действие, наверное, могло спровоцировать нечто подобное.

– Я не припомню ни одной ошибки в истории Стражей и Ключей, вроу. – Голос Панкраса стал строже.

– Я хотела бы убедиться, – пришлось тоже плеснуть в тон изрядно холода и приправить стальной твёрдостью. – Это возможно?

На удивление, мениэр Гланс не стал больше возражать. Напряжение Дине и Алдрика за спиной стало почти осязаемым в те секунды, что он думал над моим требованием.

– В принципе, – мужчина вздохнул, смыкая перед собой на столе пальцы в замок, – если вы снова пройдёте через ритуал, то я сумею увидеть изъяны. Старший служитель обычно не вмешивается в проведение инициации. К тому же, как вы знаете, его проводят исключительно служительницы. Но раз у вас появились сомнения в добросовестности кого-то из них...

– Как вы уже поняли, появились, – добавила я к его словам, как только он ненадолго замолчал, словно не хотел до конца смиряться с ситуацией.

– В таком случае, вроу, я соберу тех служительниц, что проводили вашу инициацию два года назад. К счастью, они все ещё служат в этом храме. – Он поднял ладони к своду с удивительно благочестивым выражением лица. – И надеюсь, что мы сумеем избавить вас от некоторых сомнений.

– Буду вам весьма благодарна. – Я улыбнулась благожелательно, стараясь показать, что никаких обид ни на кого не держу.

– Вы остановились в своём поместье или в Стормастайге? – Панкрас спросил как будто не у меня, а у Дине, посмотрев на неё поверх моего плеча.

– В Стормастайге. Но, пожалуй, мы дождёмся вашего ответа здесь. На постоялом дворе. Думаю, ваше решение не затянется?

– Конечно, я постараюсь уладить всё поскорей, – поспешил уверить меня слугитель. – Тогда, как всё будет готово, я пришлю к вам посыльного с вестями.

Это прозвучало, как пожелание, чтобы мы скорее выметались отсюда вон. Я встала, разглаживая подол, и повернулась к двери. На миг только встретилась взглядом с Алдриком: он был заметно раздражён. А уж чем, это следовало выяснить. Распрощавшись с мениэром Грасом, мы покинули его кабинет и скоро вышли из тёмных и мрачных переходов храма под прохладное осеннее солнце. Площадь снова обхватила нас отдалённым шумом базарчика. Стражи, что ожидали у входа, приблизились, собираясь вокруг неплотным полукольцом.

– Надо проследить за этим слугителем, – проговорил Алдрик, прежде чем мы с Дине вернулись в карету. – Возможно, он и правда что-то знает.

– Возможно, он просто обижен недоверием, – постаралась я вступиться.

– Может быть, – не стал спорить Страж. – Но приглядеть за ними всё равно нужно.

– Я тоже думаю, что это не будет лишним, – поддержала его Дине. – Сейчас подвоха можно ожидать откуда угодно. Вы, Паулине, и Хилберт уязвимы, пока не соединитесь. Предосторожности не помешают.

Я кивнула: в предложении Алдрика, конечно, был резон. Я и сама не до конца доверяла этому слугителю. Возможно, Паулине знала его хорошо, но я-то нет. И кто знает, что у него в голове, какие замыслы.

Пока мы ехали до постоялого двора, я всё размышляла над тем, что случилось в эти дни. Сердце почти трепыхалось в постоянной тревоге: где-то в Шадоурике Тейн, который имеет виды на родовое поместье Паулине. Грядущий ритуал инициации – пусть и повторный – несёт тоже неведомо какие сюрпризы. Я

выглянула в окно, метнулась взглядом вдоль улочки, что убегала вдаль в обе стороны, будто ждала, что вот-вот увижу на ней силуэт знакомого всадника. И почувствовала тянущую тоску, которая заполнила всю грудь до давления на рёбра. Мне остро сейчас не хватало чего-то, что давало бы хоть толику уверенности в собственной безопасности. Словно я лишилась некой опоры под ногами и всё шарила, шарила слепо, пытаюсь её отыскать – но вокруг только пустота.

Боже, скорей бы приехал Хилберт.

Глава 3

После нападения порождений на Волнпик здесь ещё долго пришлось наводить порядок. Особенно на нижних уровнях. Поэтому в такой суматохе Паулине удалось уехать почти незаметно для остальных. Советников, конечно, не обрадовал столь внезапный поворот, но пока что они были рады, что удалось хотя бы остаться живыми. Пусть совсем без потерь не обошлось.

Такие прорывы в защите Волнпика, когда порождения проходили щит и первый эшелон Стражей на стенах и внутри замка, случались очень редко. Обычно брешь удавалось сдержать. Но когда умирает Глава, а на его место долго не приходит новый, завеса ослабевает – и твари, хоть и не слишком большим числом, всё же просачиваются через неё. Это, конечно, случается реже, чем когда они находят неизведанные пути через горы, как было в случае нападения на кортеж Паулине по пути сюда. Хотя в том происшествии осталось много тёмных пятен, которые пока что не удалось осветить никакими усилиями Ордена.

Да только нынешний случай казался чем-то из ряда вон. Как будто кто-то привёл в Волнпик порождения. Потому как их было слишком много. Они почти кишели, как саранча, готовая пожрать всё вокруг, и оттого рождалось подозрение, что некто сумел позвать их за собой в тот миг, как брешь снова раскрылась. Это мгновение сложно отследить. Брешь сродни язве, которая то может не беспокоить месяцами, зарастая, то ослепляет болью, когда вновь открывается. В Волнпике к тому привыкли, можно сказать. Потому сюда и отправляли Стражей для временной службы: чтобы не скисали в более спокойных гарнизонах.

Стало слишком опасно. И казалось, что это вовсе не было случайностью. После нового появления Паулине в жизни Хилберта подобное стало происходить слишком часто, что давало повод думать, будто связано это всё с ней. Но её откровение, которое крепче и крепче утверждалось в голове, накладываясь на катящиеся комом события, представлялось всё более правдоподобным. И потому пришлось оторвать её от себя. Услать подальше: хоть и оставив при этом без собственного надзора, но там, где всё же спокойнее. Где защита крепче, где нет опасности открытия портала: а уж со случайными появлениями тварей Стражи ближнего гарнизона справятся легко. Лишь бы теперь не потянулись туда другие желающие завладеть Паулине. Паук Феддрик ван Стин уж давно протягивает свои липкие нити к ней. Но пусть выкусит. То, что он когда-то хотел отдать за Хилберта свою сестру, не даёт ему права совать нос куда не следует.

Хилберта буквально раздирала невыносимая злость. И тревога, жгучая, как сыпь по всей коже. Он должен был ехать с ней. В тот миг, как вновь окрепло доверие к жене. В тот миг, как она начала просачиваться глубже в душу – ядом или мёдом, ещё неизвестно. Он попытался её понять. Не обвинять раньше времени в том, что она не сумела раскрыть его силы, поверить – хоть усилием, – что её душа и правда из другого мира. И когда она теперь оказалась далеко, не покидало ощущение, что вот-вот, и Хилберт её потеряет. Потому надо заканчивать дела в Волнпике поскорей и ехать в Шадоурик. Иначе он просто свихнётся здесь – без неё.

– Вы считаете, что сейчас, когда вроу ван Берг должна быть под постоянным присмотром, ей будет лучше вдали отсюда? – зудел над ухом антреманн.

Он, лишь прознав об отъезде Паулине, почти ворвался в кабинет и уходит отсюда в ближайшее время, похоже, не собиравшись.

– Надеюсь, вы понимаете, что целью нынешнего нападения на Волнпик, скорей всего, была Паулине? – Хилберт едва держался, чтобы просто не отмахнуться от него и не послать в самые пыльные дали Пустоши. – Думается, всё это случилось для отвлечения внимания. Но весь план, похоже, не удался.

– С чего вы взяли? Порождения – безмозглые твари.

– А тот, кто ими управлял, – нет.

– Это всё только догадки, – раздражённо бросил антреманн. – Вам просто очень удобно, судя по всему, чтобы она исчезла из поля зрения Совета.

Феддрик наконец остановился напротив, перестав метаться мимо стола, за которым сидел Хилберт. Тот встал и упёрся ладонями в гладкую поверхность, наклоняясь к антреманну.

– Моя жена – моя забота. Но никак не Совета. Это я вам буду повторять, пока вы не запомните. Так что можете возвращаться в Ривервот, подальше от нашего небезопасного Волнпика. До вас твари пока добегут, может, устанут немного.

Ван Стин раздул ноздри, явно подбирая слова: то ли чтобы не быть слишком грубым, то ли, наоборот.

– Значит, я могу сказать Ренске, что вы больше не имеете на неё никаких видов? Что вы отказываетесь от всех своих слов?

– Я сам решу, что сказать мейси ван Стин. Это наши с ней личные дела.

Феддрик качнул головой, но больше спорить не стал. Перестал поднимать пыль с ковра, что лежал посреди кабинета, своей беготнёй – и просто вышел, лишь слегка хлопнув дверью. Хилберт снова сел в кресло и откинулся на спинку. И без того не спал почти две ночи: пришлось долго отлавливать порождения по катакомбам Волнпика. А тут ещё антреманн норовит отожрать от него изрядный кусок самообладания.

Но только вокруг замерла плотная, чуть душная от тепла камина тишина, в ушах, где-то совсем вдалеке, зазвучал зов. Теперь Хилберт слышал его почти постоянно. То еле различимо, то отчётливо. Особенно когда не мешали посторонние звуки. Паулине... Или Полина? Она нужна ему сейчас как никогда – и от этого внутри всё как будто горькой маслянистой плёнкой покрывается. И кажется, что внутренности перекатываются друг по другу, как стальные шарики: аж звенят.

У двери послышались торопливые шаги, и после короткого стука, заставившего встрепенуться и выпрямить спину, внутрь вошёл один из молодых мастеров, что ещё ходили в учениках у кого-то из старших Драконов.

– Мениэр ван Берг. – Парень кивнул резковато. – Мениэр Ваартиг просит вас подняться к нему в башню. У него для вас важные новости.

Вот же дряхлый мешок. Сам не идёт, хоть по статусу и положено – и возраст тут ни при чём. Иные Драконы и в полсотни лет крепче некоторых Буйволов, измочаленных схватками с порождениями и подпиткой защиты Волнпика.

– Я поднимусь, – кивнул Хилберт посыльному, не став срывать на нём раздражение.

Тот ушёл спешно. И после пары мгновений отдыха пришлось всё равно идти к Ваартигу. То и дело на глаза по пути попадались ещё не сошедшие признаки вчерашнего нападения. Где-то валялось потерянное оружие. Где-то виднелись на камнях пятна крови. Волнпик почти насквозь пропитан ею за всё то время, что стоит здесь, на месте бреши. И кровь отца, по сути, тоже окропила его.

Мастер встретил, как и всегда, в своей забитой книгами и склянками каморке. Он просиживал в ней почти постоянно в то время, как приезжал в Волнпик. Но на сей раз его извечная надменность и холодность ему изменили, как, впрочем, и аккуратность. Потому как в кабинете царил страшный погром. На лице мениэра Ваартига читалось явное смятение, граничащее со страхом.

– Его украли, мениэр ван Берг, – вместо приветствия выпалил он, как только Хилберт вошёл.

– Кого? – не сразу понял тот. Но осознание тут же вбилось в висок горячим гвоздём. – Кинжал?

Ваартиг закивал сокрушённо.

– Я всё обшарил. Весь кабинет от пола до потолка. Но следов порождений нет. Кто-то из здешних.

– Или тот, кто воспользовался нападением... – Хилберт прошёл дальше. Едва не споткнулся о валяющуюся под ногами книгу и поднял её. Положил на стол мастера. – Вы что-то успели узнать? Прочитать знаки?

Тут Ваартиг улыбнулся, снова возвращая себе привычно самодовольный вид. Он, кажется, немного успокоился и сел в своё кресло, предварительно убрав с него какие-то свитки. Такой беспорядок в его кабинете Хилберт видел первый раз. Как будто в другой мир попал.

– Я был бы дураком и не достойным звания Дракона мастером, если бы не перенёс знаки на бумагу, – пояснил он превосходство на своём лице, видеть которое было гораздо приятнее, чем растерянность. – Вторую половину дня пришлось потратить, чтобы отыскать мои записи в бардаке, что мне тут учинили в моё отсутствие. Но... слава Двуетиным, похититель не обратил внимания на бумажки.

– Это радует, – без особого восторга отозвался Хилберт, хоть от слов мастера и правда стало легче. Значит, не всё потеряно. – И всё же?

– Я расшифровал те, что были на рукояти. – Ваартиг достал откуда-то из складок одеяния листок и положил на стол, разгладив его ладонью. Ткнул пальцем в вязь символов на нарисованном черенке кинжала. – И похоже, мениэр, это оружие виновато в том, что вроу ван Берг не смогла передать вам силы. Хотя бы отчасти.

Хилберт подался вперёд, заинтригованный до глубины души. Всё-таки она подстроила и заблокировала силы. А затем нашла способ сбежать из собственного тела? Невероятно, кажется. Но вполне объяснимо норовом Паулине.

– А подробнее?

– Подробнее сейчас сказать сложно, – развёл руками мастер. – Это очень древние заклинания. К тому же, подозреваю, не слишком верно записанные. Но они возымели определённый эффект. Открыли как будто некий канал, через который силы вроу ван Берг утекают или перераспределяются. Навроде реки, которая вдруг потекла бы вспять.

– То есть силы при ней? Они не уменьшаются? Не теряются?

– Нет. Они наполняют её так же, как и раньше. Может, даже больше. Но теперь они связаны с её душой. Так, как были бы связаны с вами, передай она их вам,

мениэр. Они возвращаются к истоку. И теряются в какой-то недостижимой дали. За некой гранью, путь за которую она и открыла, когда ударила себя кинжалом. Скорей всего, до этого был ещё какой-то ритуал. Но ранение завершило его.

– Значит, всё же это было умышленно, – вслух завершил рассказ мастера Хилберт.

– Скорей всего. Но это ещё не всё. – На этот раз Ваартиг провёл пальцем вдоль нарисованного лезвия, тоже щедро исчерченного знаками. – Здесь всё гораздо сложнее. Какая-то бессмыслица. Что-то про другой мир. Про путь без возврата. Про небытие. Думаю, тут ошибок в заклинании ещё больше, потому суть теряется. Я не могу чётко понять, что здесь написано и к чему могло привести.

А вот это ещё интереснее. Даже такие смутные и путанные рассуждения подтверждали рассказ той, кто назвала себя Полиной. Хилберт ещё раз прокатил её имя в голове. Вспомнил её глаза, смотрящие на него твёрдо и в то же время с ожиданием. Кого обманывать? Хилберт поверил ей ещё до рассказа мастера. Потому что хотел поверить.

Но хорошо бы узнать подробнее о кинжале.

– Вы ещё попытаете разобраться?

– Конечно. Но пока я в очень большом замешательстве. – Мастер потёр подбородок. – Мне бы мог сейчас помочь один человек. Но... К сожалению, он, скорей всего, уже сгинул в Пустоши. За эти годы.

– Лодевейк Хетзанд? Один из немногих Драконов, что оказался химерой?

Мениэр Ваартиг огляделся слегка боязливо, будто их кто-то мог подслушать, а потом наказать за такие разговоры.

– Конечно, он сам виноват. За все эти его эксперименты... но он хорошо знал язык оудов.

– Вряд ли он стал бы вам помогать, мениэр.

Хилберт снова выпрямился и встал, собираясь уже уходить. Нельзя медлить. Пора собираться в Шадоурик. Уж после всего, что выяснилось, и давно.

- Может, и стал бы. Кто его знает, - покачал головой мастер.

- Если вы разберётесь в этом, сумеете повернуть эту «реку» обратно?

Тот замялся, пряча взгляд.

- Я не уверен, что это возможно, Хилберт, - назвал его просто по имени. Так случилось, когда мастер просто забывался в своих размышлениях. - Это смог бы сделать тот, кто нанёс на кинжал эти знаки. И сама вроу ван Берг. Без её согласия ничего не выйдет. Потому вам нужно найти истоки того ритуала, который провела она. Или кто-то с её помощью, ведь ранить её мог и другой. А она просто не хочет его выдавать. По каким-то своим причинам...

Хилберт покивал. Наверное, ему нравилась мысль, что Полина просто оказалась жертвой заговора. Жертвой доставшегося ей тела. Напуганной, вынужденной молчать о том, кто она на самом деле, лишённой надежды на то, что ей поверят. Последние сомнения ушли, как ни мало их вообще было. Теперь он хотел увидеть её - как можно скорей. От одной мысли об этой далёкой и загадочной девушке у него дыхание словно шире становилось, переставая помещаться в груди. Он больше не мог карать её бездумно. Обвинять, приписывая ей козни Паулине. Он хотел понять Полину - или умереть уже, если его голова разлетится на куски от напряжения в бессмысленной попытке это сделать.

- Тогда я жду от вас следующих вестей. Но в ближайшее время, возможно, даже завтра, я уеду в Шадоурик. А потом привезу жену обратно. Либо вам придётся срочно возвращаться в ваш гарнизон.

- Поищите в Шадоурике следы того умысла, что привёл ко всему этому. Думаю, они должны отыскаться именно там, - на удивление спокойно и благожелательно посоветовал мениэр Ваартиг.

Хилберт вернулся к себе. И до самого вечера слушал отчёты о том, как восстанавливают порядок в Волнпике. Распоряжался насчёт того, куда отправить шкуры убитых в разных частях замка порождений: тоже вопрос важный. Придётся в этом ещё и держать ответ перед антреманном, как бы ни

хотелось, чтобы он исчез с глаз надолго.

Со всем насущным удалось разобраться окончательно только к самой ночи. Теперь спровадить отсюда Феддрика – и можно выезжать в Шадоурик. Ведь Полина как раз уже добралась туда, а оставлять её надолго без присмотра опасно.

Хилберт запер дверь, чтобы никто без особой нужды не тревожил, а то бывает, что приведёт кого такое рвение, что могут и в покои ворваться – не слишком озаботятся тем, что ночь за окном. А она была сегодня особенно тёмная и ветреная. Плывущие по небу тучи зловеще подсвечивались Шадовым Оком, отчего всё вокруг казалось частью Пустоши, хоть она была с другой стороны замка. Все они поглощаются постепенно ею – дорогой, по которой пронёсся когда-то Вздох Шада. Как ни пытаются Стражи сдерживать Пустошь, а Волнпик уже скорее принадлежит ей, чем человеческому миру. Такой же затхлый, пыльный и мёртвый, несмотря на наполняющую его людскую жизнь, которая никак не желает сдаваться.

И чем дальше Орден будет без Главы, тем сильнее Пустошь заполнит собой всё, укоренится здесь так, что только и успевай отбиваться от порождений, которые ползут со всех щелей. И казалось бы, Хилберт мог теперь спокойно покинуть этот замок и появляться в нём только время от времени – но с горечью понимал, что и сам уже пророс здесь. И это опасное чувство: нужно от него избавляться. В Стормастайге будет лучше.

Ополоснувшись ко сну и уже собираясь ложиться, Хилберт ещё немного постоял у окна, глядя, как каменная осыпь холма будто плывёт среди тумана, что стелился по дну долины. Он видел в мелких квадратах стекла своё раздробленное отражение, удивительно точно передающее его внутреннее состояние последних месяцев. Он был раздробленным, почти перемолотым в пыль. И только Полина, неожиданно появившись на месте нежеланной жены, смогла собрать его воедино снова. Стала бы Паулине поступать так же? Теперь его терзали большие сомнения на этот счёт. А отделившись от жены, Хилберт вновь начинал рассыпаться.

Паршивое ощущение. Он не хотел зависеть от неё, но зависел. После свадьбы и близости с ней уже не смог бы сказать, что она только средство для достижения некой цели и получения силы. Она нечто большее – проклятие его, наверное. Даже несмотря на то, что душа её из другого мира. Может быть, поэтому – ещё

больше.

Хилберт моргнул, сбрасывая задумчивость, когда в дверь постучали. Поначалу он решил, что отвечать не станет. Пусть идут к гаргу в задницу. Всем не мешало бы отдохнуть в эту ночь. Но стук повторился, а за ним тихо прозвучал мягкий умоляющий голос Ренске. Она просила впустить её. Что за?.. Откуда она тут взялась?

Хилберт прошлёпал босыми ногами к двери и, схватив ключ с маленького столика – он никогда не оставлял его в замке, – открыл.

Ожидал всего чего угодно. Обвинений, упрёков и ревности. Но вовсе не того, что Ренске вдруг бросится к нему и вмиг повиснет на шее, тыкаясь лицом в плечо. Она дышала так, будто бежала пешком из самого Ривервота.

– Я как узнала, что на Волнпик напали... – забормотала тихо, сбивчиво. – Сразу приехала. Я боялась, что тебя ранили... Или Феддрика.

Хилберт попытался оторвать её от себя, чтобы заглянуть в лицо. Наверное, надеясь понять, насколько искренни её слова. Насколько натуральна её тревога, потому что, зная о явных намерениях антреманна, можно было решить, что Ренске к тому тоже причастна. Даже скорее всего. И хороший вопрос, чего в её поведении больше: чувств, в которых она клялась не раз, или воли брата?

Едва удалось чуть отстраниться, девушка перехватила его лицо ладонями и тут же прижалась губами к его губам. Скользнула между ними язычком, навязывая жаркую ласку, принялась распускать шнурок на его воротах. Запутавшись, рванула в стороны – затрещала ткань.

– Что ты делаешь? – Хилберт поймал её за локти и оттолкнул, встряхнул слегка, пытаясь привести в чувство.

В голове явственно плыло от безрассудства девушки и запаха её духов, теперь приторных до тошноты. Кажется, ему раньше нравилось?

– Разве ты не хочешь больше? – Её глаза, блестящие, большие и как будто доверчивые, зашарили по его лицу. – Не хочешь, чтобы я стала твоей женой?

После, когда...

Неужели Феддрик успел напеть в уши? Наверное, было бы странно, если бы он смолчал.

– Я знаю точно, что не хочу обсуждать это сейчас.

– Но ты отослал Паулине! Разве не за этим? Чтобы дать понять ей... И я хочу быть рядом. – Ренске вырвалась из его хватки и сделала шаг навстречу снова. Тонкими пальчиками принялась ослаблять шнуровку на груди. – Я хочу быть твоей. Потому что рано или поздно это всё равно случится.

Хилберт покачал головой, невольно пятась от неё. Но не мог отвести взгляда от её рук, судорожно сдирающих платье с одного плеча, а потом с другого. Оголилась её округлая, гладкая, как какой-нибудь бутон, грудь с розовым венчиком соска. И вторая.

Яркое воспоминание о былом вспыхнуло в памяти. Точно так же Паулине рвалась к нему, пыталась убедить, что пойдёт на всё, чтобы быть рядом. Что ей не жалко для него ничего, даже собственной невинности – прямо здесь и сейчас. А затем едва не прокляла, когда он не пожелал брать ценный подарок. Она тоже считала, что рано или поздно станет его женой, что он осознает свои чувства или надавит отец. Но Хилберт оттолкнул. И с того мига ещё сильнее уверился в том, что ему нужно держаться от неё подальше: потому что это безумие просто погубит их. И никому не принесёт счастья.

Его внутренне передёрнуло. Но, видно, настолько заметно, что Ренске замерла, задержав сползающее с талии платье. Её губы задрожали, а на ресницах набухли готовые сорваться слёзы. Хилберт шагнул к ней и, стараясь не смотреть, снова натянул одежду ей на плечи. Всё повторяется. Только он начал приходить к некоему успокоению – и очередная женская выходка норвила опрокинуть всё в пропасть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/schastnaya_elenazhena-v-nasledstvo-kniga-vtoraya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)